

Цена твоей любви

Автор:

Ольга Дашкова

Цена твоей любви

Ольга Викторовна Дашкова

Семь лет назад я влюбилась в мужчину старше себя. Он был уверенным, сильным, работал на моего отца. Но оказалось, что любить в первый раз слишком больно. Мужчина поиграл, посмеялся над глупой девчонкой и скоро женится на другой. Ценой его нелюбви стало мое разбитое сердце...и ребенок, которого я родила. Я уехала, но я вернулась в страну через семь лет, мы снова встретились. У него своя семья, а у меня жених и маленькая тайна, о которой он не должен знать. Но все повторилось вновь, я не забыла, я все еще люблю. А цена его любви, будет очень высокой.

Ольга Дашкова

Цена твоей любви

Глава 1

– Как тебя зовут?

– Регина.

– Царица.

- Что, простите?

- Твое имя, по одной из версий, можно трактовать как царица.

- А есть еще версии?

- Да, королева.

- Как интересно.

Любуюсь мужчиной, но тут же морщусь от боли, прикусывая нижнюю губу, когда он задевает содранную кожу на коленке.

- Больно?

- Нет, немного, практически не больно.

Теперь он смотрит на меня, а я как дура тону в его темно-синих глазах, и сердце очень быстро начинает биться в груди. Совсем ненормальная, он только что сбил меня на велосипеде своей огромной черной машиной. У меня ободрала колени, на руках ссадины, а я на самом деле практически не чувствую боли.

- А почему плачешь, если не больно?

- Я не плачу.

Вытирая тыльной стороной ладони мокрые щеки, сижу на детской песочнице, а кожа горит под его руками, потому что мужчина так близко, рядом на корточках, и держит мои голые ноги.

- Как же я мог тебя не заметить?

Продолжает смотреть, у него очень красивые глаза, черные ресницы, загорелый, темные волосы, аккуратная стрижка, модная щетина, правильные черты лица, четкий контур губ, он, наверное, классно целуется.

Господи, о чем я думаю? Снова простонала, прикусив губу.

- Опять больно?

- Нет. Совсем не больно. Это я виновата, ехала не посмотрев по сторонам.

- Да, конечно.

Снова смотрит на колени, ведет пальцами вверх, ощупывая, а у меня по всему телу бежит миллион, нет три миллиона мурашек, так что покалывает кончики пальцев.

- Кости целы. Давай в травмпункт, надо все это обработать, а то вдруг заражение.

- Нет, не надо, я могу сама. Зачем травмпункт? Ведь ерунда же, царапина.

Внимательно смотрит в глаза, чуть прищуривается, на нем белая футболка, вижу, как под ней блестят золотая цепочка и крестик. А еще шрам справа на шее, старый, белый длинный рубец.

- Ты головой не ударилась?

- Нет, только коленями и локтем.

Как через неделю пойду на юбилей папиной фирмы, не представляю. Платье уже куплено, но оно не прикроет эту «красоту».

- Извините, я, наверное, поцарапала вашу машину. Я могу заплатить.

Мужчина оборачивается, прямо поперек въезда во двор стоит огромная черная машина, дверь открыта. Велосипед с изогнутым колесом валяется рядом. Там же мой желтый рюкзак и рассыпанные по асфальту красные яблоки.

Во дворе практически никого нет, безжалостное солнце в июльский полдень разогнало всех по домам, голову печет, по спине бежит пот, майка прилипла к

телу.

Мужчина вновь долго смотрит на меня, словно не понимая моих слов, а потом неожиданно подхватывает на руки, так что я вскрикиваю, цепляясь за его шею.

- Поехали.

- Куда? Зачем? Не надо! Что вы!

Вокруг нас летает белый тополиный пух, его лицо так близко, а еще запах. Мята и лимон. Он невероятный, а я ненормальная.

Я вижу его постоянно, точнее, наблюдаю из-за шторы, как шпионка, как он приезжает и уезжает, уже несколько недель.

- Регина! Регина! Что происходит? Регина, девочка моя!

Слышу знакомый голос, хочу спуститься на землю, но меня крепко держат на руках. Мы вместе оборачиваемся на голос. Моя бабушка, выйдя на балкон третьего этажа старой элитной сталинки с высокими окнами и лепниной на фасаде, обмахивает себя веером и смотрит с укором.

- Регина, что случилось?

- Бабуля, все хорошо.

- Кто этот молодой человек? Почему он держит тебя на руках?

- Бабуля? - удивленный взгляд синих глаз.

- Отпустите меня на землю, - шепчу сквозь зубы. - Иначе сейчас будет скандал мирового масштаба.

Бабушка потом замучает вопросами, начнет звонить отцу и своим подружкам, это же целое событие и повод заняться в очередной раз моим воспитанием. Так как матери нет до меня никакого дела, это бабушкины слова.

- Нам надо в травмпункт.

- Нам туда не надо.

- Ты поцарапала мне машину.

- Мне так жаль.

- Я пошутил. Ты такая всегда?

- Какая?

- Наивная. Но в травмпункт надо.

- Если мы еще так простоим, бабушка вызовет скорую и МЧС.

- Опасная старушка?

- Вы не представляете насколько, - смеюсь, мужчина улыбается в ответ, демонстрируя ровный ряд белоснежных зубов, ему очень идет улыбка.

- Посиди здесь.

Идет, опускает меня на лавку рядом с песочницей, собирает яблоки, складывая их в рюкзак. Легко закидывает сломанный велосипед в просторный багажник автомобиля. Отгоняет его в сторону, чтобы не перекрывать выезд.

- Да, Дина, я скоро буду, небольшой форс-мажор. Нет, я не с другой женщиной, успокойся.

Дина? Странно, но сердце покалывает от боли. Ревность?

Он разговаривает по телефону, когда снова подходит ко мне, но убирает его в задний карман джинсов.

- МЧС еще не приехала?

– Нет, пока тихо.

– Регина, я спущусь, и ты мне расскажешь, что у вас там случилось. Мне не нравится все это. Кто этот молодой человек?

– Бабуль, не надо, я сейчас приду сама! – кричу на весь двор, краснея от стыда.

Хочу встать, но мне не дают, вручают рюкзак, снова берут на руки.

– Открой дверь, царица велосипеда.

Шутит, ищу ключи, подношу магнит к домофону, мужчина быстро поднимается на третий этаж. У него даже не сбилось дыхание, сильные руки, аромат мяты.

Он взрослый, слишком взрослый для меня. Наверное, ему лет тридцать, скорее всего, есть девушка, а может, жена и дети. По телефону была некая Дина.

– Региночка, что случилось? Господи, девочка моя, что с тобой? Это он тебя так? Он избил? Я сейчас же вызываю полицию.

– Бабуля, прекрати, никто никого не избивал. Просто случилась небольшая авария.

– Да что вы ее все держите на руках? Отпустите немедленно! Молодой человек, хоть вы мне объясните, что произошло, от этой девчонки ничего не добьешься, – бабуля говорит строго, сверкая глазами. Поджала губы, как всегда, подкрашены любимой розовой помадой, на лице легкий макияж, без которого никак.

– Ваша внучка ехала на велосипеде, я ее случайно сбил.

– Боже мой! Какой кошмар! Я так и знала, мое сердце было беспокойно, – театрально хватается за грудь, поправляя прическу.

– Бабуля, нет ничего кошмарного, все хорошо. Я сама виновата, не смотрела, куда ехала и поцарапала машину, – когда меня аккуратно ставят на пол, показываю рукой на мужчину, хочу называть имени, но не знаю его.

– Матвей, меня зовут Матвей Жаров.

Глава 2

– Да, Матвея.

Сердце пропускает несколько ударов, когда я смотрю на него, такой широкоплечий, высокий, невероятно красивый.

– А по отчеству как? – бабушка снова влезает. – Правила приличия еще никто не отменял, юной девушке стоит подобающе обращаться к незнакомому мужчине и уж точно позволять себя носить на руках.

– Бабуля! – так неудобно, а еще стыдно, вот он сейчас подумает, что я совсем малолетка сопливая. – Мне восемнадцать лет, и мы не в Средневековье.

– Неважно сколько тебе лет и который сейчас год. Девушка должна быть леди всегда.

– Милые дамы, – нас прерывают. – Я, пожалуй, пойду, велосипед отремонтирую и верну. Приношу свои извинения за случившийся инцидент. Вот компенсация за моральный вред, да и физический принесенный юной леди.

Мужчина достает из кармана деньги, протягивает несколько купюр, но я так и стою не сказав ни слова, мне совсем не нужны его деньги. Не дождавшись никакой реакции, он всовывает их в рюкзак, а оттуда берет яблоко, трет о футболку, с хрустом откусывает большой кусок, при этом продолжая смотреть мне в глаза. А в его нет и намека на симпатию в мой адрес.

Мужчина уходит, закрыв за собой дверь, бабушка, поджав губы качает головой, оглядывая меня с ног до головы.

– Господи, на кого ты похожа, Регина? Посмотри на себя в зеркало. И нечего было так глазеть на взрослого мужчину, это выглядело верхом неприличия. А когда он занес тебя на руках, я думала, что сгорю со стыда.

Это я сейчас сгорю, а не она.

– Бабуля!

Мне и без того нехорошо, стою и смотрю на себя в зеркало, кровь на коленях уже подсохла, стала коркой и до боли тянет кожу. Я похожа на грязную оборванку.

Волосы выбились из высокого пучка, на щеках подтеки от слез, шея грязная, как и руки, сквозь тонкую ткань майки просвечивает грудь и видны все ее очертания. О коленях и ногах вообще молчу, просто хочется снова плакать, но уже от обиды, что Матвей видел меня такой.

– Нет, ты посмотри на него! Каков наглец, надо позвонить твоему отцу и все рассказать. Надо обязательно позвонить Николаю.

– Я тебя прошу, бабуль, не начинай. У тебя все вокруг наглецы и жулики, а еще бандиты. И нет ни одного приличного мужчины.

– Конечно, так оно и есть. На углу висит камера, надо попросить Аркадия Леонидовича показать запись, этот молодой человек наверняка все сделал специально. Это все конкуренты роют под Костика.

– Бабуля, прекрати. Какие конкуренты? Ты снова смотрела криминальные новости?

Снимая кеды, ухожу в ванную, снова рассматриваю себя в зеркало. Он точно принял меня за малолетку, я бы так и сделала. Сейчас на вид мне лет шестнадцать, надо было еще с утра заплести две косички и надеть белые гольфы, чтоб больше соответствовать образу.

Глотаю слезы обиды, смывая грязь и кровь с колен, обрабатывая раны перекисью. Он никогда не посмотрит на меня как на женщину, никогда. Такой

взрослый, уверенный, а еще какая-то Дина по телефону, которой он обещал скоро быть.

Конечно, зачем возиться с девчонкой, когда там ждет сексуальная и уверенная в себе женщина?

Матвей, такое красивое имя, и сам он невероятно красивый.

Я с ним совсем не знакома, но ощущение, что знаю уже давно. Ровно три недели назад вечером во двор приехал черный внедорожник. Я сидела на балконе, просто перелистывала страницы книги, сюжет которой так и не уловила.

Из машины вышел мужчина, подняв голову, посмотрел вверх, наши взгляды встретились лишь на миг, но мое сердце забилось чаще, захотелось спрятаться или продолжать смотреть так еще очень долго.

А потом несколько раз мы сталкивались на лестничной площадке, он жил этажом выше, но проходил мимо, совсем не замечая меня. Было странно и обидно, я не такая безликая и незаметная, очень даже симпатичная девушка.

Умылась холодной водой, начала придирчиво рассматривать себя. Аккуратный, слегка вздернутый носик, пушистые ресницы, густые темные брови, зеленые глаза и каштановые волосы с рыжим отливом. Все свое, натуральное, неокрашенное и не наращенное.

Может быть, ему нравятся совершенно другие девушки, другой типаж и постарше. Более раскованные и не в кедах, а в красивых платьях и туфлях на высоких каблуках.

– Регина? Регин, почему ты так долго? Мне идти тебя спасать? Регина, мы хотели приготовить шарлотку.

Бабуля снова не может побыть одна и несколько минут. Выхожу, иду на кухню, там уже заварен зеленый чай, кондиционер работает на половину мощности, в помещении не так жарко.

С тех пор как месяц назад бабушкина компаньонка, как она любит ее называть, а точнее сиделка, уехала в отпуск, я вынуждена находиться рядом и составлять компанию. Конечно, не совсем удачный вариант для молодой девушки в разгар лета, но деваться некуда.

Это вместо того, чтобы проводить время на городском пляже с подругами или полететь к маме и Италии. Но нет, вот так проходят мои каникулы, зато я встретила Матвея, и теперь только этот мужчина занимает практически все мои мысли.

– Регина, да что с тобой?

– Что?

– Телефон! Где-то звонит твой телефон, я слышу его противную мелодию. Достань и отключи, его невыносимо слушать.

Иду искать рюкзак, он так и стоит на полу в прихожей, набитый яблоками, именно за ними я поехала на рынок, бабуле приспичило испечь шарлотку, о которой она мне напомнила.

Но, как только я наклоняюсь, чтобы поднять его, замечаю на полу, прямо у порога, темный прямоугольник. Поднимаю, это визитная карточка, самая обыкновенная, на графитовом фоне строгий шрифт: Жаров Матвей Евгеньевич, номер телефона и больше ничего.

Мой телефон продолжает звонить в рюкзаке, а я – смотреть на буквы, понимая, что это судьба. Он, наверное, оставил ее специально, чтобы я позвонила, ведь он не взял моего номера, рядом была бабуля, она бы устроила настоящий скандал о правилах приличия и манерах.

Как же я тогда была глупа и наивна, доверчива и уже влюблена.

Влюблена так, что не замечала ничего вокруг.

Это была судьба, но совсем не такая, которую я хотела.

Глава 3

– Ну и что ты стоишь и смотришь на этот пирог уже двадцать минут?

– Хочу отнести кусочек соседу.

– Какому соседу? Тому нахалу, что сбил тебя своим танком? Регина, ты совсем сошла с ума, это по меньшей мере неприлично. Чтоб девушка сама шла к незнакомому мужчине, да еще вечером, да еще после того, что случилось. У тебя должна быть гордость, я не воспитывала в тебе овечку.

У меня нет гордости, с ним рядом ее нет совсем.

Весь остаток дня маялась мыслями и боролась с желанием позвонить. Но что я скажу? Здравствуйте, это та самая Регина, которую вы чуть не переехали танком, как говорит моя бабуля. Узнали? Нет? Обидно.

Как же все странно, у меня никогда за восемнадцать лет такого не было. Девочки в школе и в университете говорили о влюбленности и нерешительности, но мне было только смешно их слушать. Чего проще: нравится тебе парень, так скажи ему об этом.

Бабуля, конечно, заведет свою старую пластинку, если узнает о моих умозаключениях. Мол, приличная девушка не должна то и се и еще длинный список в два метра, чего она не должна.

Как она вообще вышла замуж за дедулю? У него точно были стальные нервы и железный лоб, в который она его постоянно клевала. Дедули не стало, когда я была еще маленькая, практически не помню его.

– Это всего лишь кусок яблочного пирога, а не мои трусики, бабуля, не усложняй.

– О господи, где мои капли?

Алевтина Германовна Левицкая, в девичестве Иванова, считала себя исключительно потомком какого-то древнего рода немецких аристократов с фамилией Франц. По этому поводу никто с ней не спорил уже давно и не напоминал, что ее мать работала швеей на заводе, а отец там же механиком, прошедшим всю войну.

Видимо, в ее маленькую детскую головку с детства вкладывали мысли, что она особенная и фамилия у нее не Иванова, потому должна быть леди. Для леди как раз самое место в послевоенной стране. Но моей бабуле семьдесят пять лет, ее уже не переделаешь.

- Капли здесь, куда ты пошла?

- Региночка, а как тебе тот мальчик, ну, что приходил к нам на тех выходных?

- Ты опять начинаешь?

- Ну так как?

- Я говорила, никак.

- Семён – прекрасный молодой человек, воспитанный, образованный, как элегантно одевается, не то что вся эта молодежь, разукрасят себя, напялят яркие тряпки, накрутят дреды, в ушах серьги.

- Где ты видела дреды?

- Не отходи от темы.

Алевтина Германовна села за круглый обеденный стол, застеленный ажурной скатертью, положила перед собой руки с нанизанными на пальцы массивными серебряными перстнями и идеальным ярким маникюром.

- Семён мне никак не понравился. У него взгляд маньяка.

– Да что такое ты говоришь? Ничего не заметила, я прекрасно разбираюсь в людях. Вот только меня никто не слушает, сначала твой отец, теперь ты, про твою мать я вообще молчу.

Ну это вечная война свекрови и снохи. Если бабулю не остановить, она начнет рассказывать, как она предупреждала Костю не жениться на моей матери, но он не послушал и женился, ну а то, что они уже двадцать лет в браке и у их взрослая дочь, это побочное явление.

– Кстати, Семён работает в компании своего отца, наследник, можно сказать успешного бизнеса. Взрослый, образованный, знает несколько языков, воспитанный.

– Может, ты сама за него замуж пойдешь? Ты у нас еще бабуля хоть куда.

– Регина, это не смешно.

Да, Семён – это совсем несмешно. Хитрый, липкий, изворотливый, у меня хоть и мало жизненного опыта и общения с противоположным полом, но это я почувствовала сразу.

От того, как он смотрел, когда его маленькие глазки пробегали по моему телу, становилось не по себе. Хотя вполне симпатичный парень, двадцать пять лет, высокий блондин, правая рука своего отца – владельца сети отелей Терехина Савелия Ильича. А главное, он перспективный и я ему нравлюсь, так уже говорит папа.

Семён на самом деле оказывал знаки внимания, звал в кино и ресторан, я отказывалась под любым предлогом. Ну вот физически не могу находиться с ним рядом.

– Я все-таки пойду угощу соседа пирогом, а то скоро совсем остынет.

– Да что ж это за несносная девчонка! Я ей об одном, она о другом.

– Извини, бабуль, не до твоего идеального Семёна.

Мне нужен совсем неидеальный, с суровым взглядом синих глаз, с белым шрамом на шее и запахом мяты.

Взяв тарелку, быстро пошла в коридор, надела сланцы, еще раз посмотрела на себя в зеркало, поправляя распущенные волосы. В глазах огонь, на щеках румянец, меня словно лихорадит. Машинально подкрасила губы гигиенической помадой, потом хотела стереть, но не стала.

Вышла, закрыв дверь, не слушая бабушкины причитания, и так голова раскалывается. Всего два пролета ступенек, их ровно двадцать четыре, я знаю. Я еще и шагу не сделала, а сердце уже готово вырваться из груди и улететь высоко в небо.

Глава 4

Ладони мокрые, на половине пути выглянула в окно подъезда, машина Матвея стоит на парковке, солнце еще не село, но уже не так жарко, во дворе гудит детвора.

Это всего лишь пирог, это ничего не значит, просто угостила по-соседски. Поднялась выше, нажала на звонок. Наверно стоило позвонить, перед тем как явиться? Но я так боялась, что он меня не узнает или не захочет слушать.

Хотя сейчас он тоже может не захотеть ничего этого.

Жму звонок. Тишина, никто не открывает. Снова звоню, и тут у меня вспыхивает догадка, что Матвей может быть не один. Вот именно сейчас обнаженные тела мужчины и женщины сливаются в сладком экстазе, а я им мешаю.

В груди так некстати сдавило болью, опустила голову, посмотрев на злосчастный пирог. Уже хотела развернуться и уйти, но дверь резко распахнулась, я успела только сделать шаг назад.

Мне стало жарко, очень жарко.

Матвей был совершенно обнаженный, лишь прикрывая все, что находится ниже талии, небольшим полотенцем. По его идеальному телу стекала вода, а я стояла и смотрела, открыв рот.

- Ты видишь, что вырвала меня из душа?

- Вы не один? - вот какой вопрос мучил, тот и задала.

- А ты хочешь составить компанию?

- Нет, я вот, я пирог принесла. Яблочный.

Легкая улыбка, а мое сердце тает и стекает к его ногам. Господи, какая дура я, что пришла, приперлась с этим пирогом.

- Заходи, я скоро.

Разворачивается, идет по длинному коридору, на ходу убирая полотенце, совсем голый. Упругие ягодички, прокачанные ноги, широкая спина, на которой татуировка: огромная хищная птица с распростертыми, горящими в огне крыльями.

Матвей идет, и кажется, что она машет ими, а пламя вокруг разгорается еще больше. Разве можно так реагировать на мужчину? Это вообще прилично? Бабуля бы не одобрила и татуировку тоже.

Ничего не остается, как зайти в квартиру, закрываю за собой дверь, сняв сланцы, прохожу вперед. Я даже не знаю, кто здесь раньше жил, бабуля говорила, что квартира давно стояла пустая, в том году сделали ремонт, и вот въехал новый жилец.

Иду на кухню, ставлю тарелку с пирогом на стол. Здесь стильный и современный дизайн, минимум мебели, все в светлых тонах, от этого помещение кажется больше. Кофемашина, рядом чистая чашка, и чувствуется аромат кофе. Где-то прекратила шуметь вода, а мое сердце снова готово выпрыгнуть из груди.

- Так с чем пирог?

Матвей появился неожиданно, но теперь на нем лишь домашние штаны, так низко сидящие на талии, что мне становится неловко. Но я все равно не могу оторвать взгляд от его груди и красивого рельефа мышц на животе.

- С яблоками. И вот еще деньги, мне не надо, - достаю из кармана купюры, кладу рядом на стол.

- Будешь кофе?

- Нет, спасибо, не пью кофе.

Мужчина ведет себя непринужденно, проходит мимо, открывая окно, а я снова чувствую запах мяты и лимона.

- Жара невыносимая и кондиционер сломался, а еще твой велосипед надо в ремонт. Так почему ты не пьешь кофе?

Он разговаривает со мной как с соседской девчонкой, хотя я и есть соседская девчонка, угодившая под колеса его джипа и которая доставила много ненужных хлопот, а вот сейчас приперлась с пирогом.

- Извините, я пойду.

Так неловко, а еще обидно, словно я шла сюда и рассчитывала хоть на какую-то симпатию, но мыльный пузырь ожиданий лопнул.

Но, сделав несколько шагов, Матвей преграждает мне путь, опустив руку на столешницу.

- Так быстро уходишь? - голос тихий, почти в самое ухо, по спине холодок, а внизу живота - жар. - Только пирог принесла и все?

Молчу, боюсь поднять голову и посмотреть в его глаза. Он не трогает меня, совсем ничего не делает, а я хочу так стоять вечность. Лишь запах мяты и его близость, а еще голос, пробирающий до самой души.

– Я хотела извиниться еще раз... что наехала... что так получилось...

Заикаюсь, волнуюсь, но, все-таки подняв голову, смотрю на него и тут же тону в этих синих глазах.

– Болит?

– Что? – моргаю несколько раз, облизываю губы, тут же заправляя за ухо волосы.

Матвей не переспрашивает, лишь продолжает смотреть теперь уже на мои губы, сглатывает, на шее дергается кадык.

А потом все происходит так быстро: его ладонь на моем затылке, стягивает волосы он впивается в мои губы своими.

Земля уходит из-под ног, я в чистой невесомости на самом краю Вселенной.

Так целуются только настоящие мужчины.

Именно таким мой первый поцелуй и должен был быть.

Никакой романтики, напор, желание, страсть. Его губы сминают мои, язык проталкивается в рот, касается моего, я цепляюсь за плечи Матвея, жмусь к нему плотнее.

Он не дает ответить на поцелуй, берет все сам, ласкает, кусает, всасывая до боли мои губы. Медленно, словно нехотя, отрывается, тяжело дышит, его лицо так близко, зрачки расширены.

– Яблоко?

– Что?

– Уходи.

Резко отстраняется, давая мне пройти, я ничего не понимаю, лишь прижимаю пальцы к своим зацелованным губам, а на глазах наворачиваются слезы.

– Регина, лучше уйди.

Глава 5

– Ты все собрал?

– Да, наверное, все.

– Так все? Или, наверное, все? Лёша, не беси меня своими вот такими выражениями.

Смотрю на Алексея, улыбается, словно я собираюсь его фотографировать. Пересматривает бумаги, кивает.

– Да все в порядке, Матвей, сколько можно уже проверять эту контору вдоль и поперек? Я уже запомнил клички всех собак и кошек персонала. Как вообще прошло твое появление? Так и не рассказал.

– Нормально, но там все еще в шоковом состоянии, старик того и гляди, с ударом сляжет. Когда ставишь перед фактом, никто не воспринимает ближайшую потерю, думают, что все всего лишь шутка.

Прямо у подъезда сидим в Лёшиной машине, кондиционер молотит на всю мощность, стекла тонированные, Лёха тот еще пижон. Когда уже закончится эта адская жара?

– Жаров, ты гений, просто гений, если ты за месяц сумеешь отжать фирму, ты мой кумир навечно.

Смотрю на Алексея, пацан еще совсем, хоть и на три года всего младше меня. Но в помощниках надо иметь вот таких азартных, готовых на все, любящих драйв и опасность.

Зачем мне нужна эта фирма? Не знаю, просто хочу уже, наверное, сидеть в красивом кресле и, чтоб стройная секретарша принесла документы на подпись, виляя упругой попкой.

Шучу, конечно. Дела обстоят совсем иначе.

- Так, Алексей, через пять дней юбилей фирмы и, кстати, как ни крути, круглая дата у старика.

- Так ему всего пятьдесят пять, какой он старик?

Снова смотрю на Алексея, тот вовремя затыкается, делает сосредоточенное лицо, взгляд становится внимательным.

- На мероприятии соберутся непростые люди города, все с размахом. Именно там старик и объявит о своем уходе и передаче всех полномочий мне. Точнее, подвинется, дав дорогу молодым и решительным.

- Сильно.

Да, не скажу, что особо сильно, но для такого мероприятия все прошло на удивление быстро. А все потому, что плохая защита информации, темные договоры и сделки, неграмотные откаты, купленные госзакупки. Столько дыр в финансах, что, когда я читал отчеты, поражался тому, как еще фирма стоит на ногах.

Воруют все, нагло и открыто, а старик делает вид, что он такой безумно честный.

Я работал над этой фирмой не месяц, гораздо больше. Изучал все тонкости, выстраивая схему. Можно было, конечно, поиграть в девяностые, собрать пацанов в бронжилетах и с автоматами, устроить рейдерский захват. Но это скучно и не для меня.

Савельев любит такое, вот ему подавай сопли с кровью, разгромленные кабинеты и взорванные сейфы. Театрал хренов.

– О, смотри, какая сладкая парочка. А у вас нескучный район.

Отвлекаюсь от своих мыслей, которых последнее время слишком много. Вижу, как из черного «Мерседеса» вышел парень, открыл пассажирскую дверь и подал руку девушке.

Белое платье почти в пол казалось прозрачным, под солнечными лучами были видны все изгибы стройного девичьего тела. Длинные ноги, узкая талия, красивая грудь. Волосы, отливающие рыжиной, собраны в высокий хвост.

– О, вот это лялька. Какая хорошенькая рыжая кошечка.

Лёха заерзал на сиденье, вцепился в руль, придвинулся ближе, чтоб лучше разглядеть девушку. Посмотрел на него, лишь сжал челюсти плотнее.

Моя соседка с губами вкуса яблок и до такой степени гладкой и прозрачной белой кожей, что страшно прикасаться. Регина, царица велосипеда и моего поцарапанного бампера. Обладательница шикарных волос, россыпи веснушек на носу и зеленых глаз.

В руках букет белых роз, парень держит ее за локоть и что-то говорит. Вот Регина вскидывает голову на свой балкон, наверное, там вездесущая бабка караулит свою куколку. Потом, слегка поворачивается, смотрит на другие окна, это уже мои. И в завершение на машину, что скрыта под старыми липами.

– Кто такая?

– Соседка, Регина.

– Ты ей еще не занимался с ней волшебством? А, Жаров? По-соседски, так сказать. Лялька-то зачетная, может, я подкачу? Этого фраера сейчас быстро сольем.

Алексей скалится, показывая ослепительную улыбку и чуть заметные ямочки на щеках. Почти не слушаю его треп, смотрю на Регину, вот она пытается отстраниться, но парень не дает, проводит пальцами по ее лицу. А мне это не нравится.

- Ну так что, я рискну?

- Лёша, ты вообще читал вот эти бумаги?

- Да, конечно.

- Когда сидел на толчке?

- Нет.

- Так почитай еще раз. Эта девочка - дочка нашего старика, ей недавно исполнилось восемнадцать, живет с бабушкой в этом доме.

Лёша затыкается, запал великого соблазнителя пропал. А я снова думаю, наблюдая за тем, как пара заходит в подъезд, парень все еще держит Регину за локоть, та больше не сопротивляется, идет, лишь на миг бросает взгляд в нашу сторону.

- Жаров, так это у тебя план такой: не только фирма, но и дочурка?

- Много говоришь, Лёха, все, жди звонка, и там есть главбухша, Лариса Владимировна, приударь за ней.

- Это которая с большой грудью или худая?

- Почитай еще раз бумаги, освежи память.

Выхожу из машины, сразу жаркий воздух окутывает легким облаком, иду к подъезду, сам не понимаю, на что злюсь.

Девочки на самом деле не было в планах, в них была ее мать. Но госпожа Левицкая полгода как живет в Италии, у нее там свое модельное агентство, и дела до семьи и дочери нет никакого.

Мозг сразу начинает высчитывать несколько способов развития событий. Если девчонку включить в игру и сделать орудием для нажима на старика Левицкого? Слишком жестоко, но как вариант.

Глава 6

– Давай увидимся вечером. Покатаемся по ночному городу, я покажу красивые места. Прекрасный закат, жаркая ночь, только ты и я.

– Семён, уже вечер, думаю, бабуля будет против. Ты знаешь ее, начнет говорить, что это неприлично. И в ее время девушки не ездили по ночам.

– Я поговорю с Алевтиной Германовной, со мной она тебя точно отпустит. Ты так вкусно пахнешь, голова идет кругом.

Поднимаюсь медленно по лестнице, вся прелесть старых парадных – это то, что все слышно. Парень уламывает мою соседку не совсем умело, а я, выходит, подслушиваю.

– Семён, прекрати, не надо. Что ты делаешь... перестань.

Почти поднявшись на третий этаж, вижу, как парень тискает Регину, прижав к стене, та роняет розы, упирается в его грудь.

Красивая картина: белые розы, рассыпанные у ее ног, испуганные зеленые глаза, пухлые губы и румянец на щеках.

– Не помешал?

Мой громкий голос эхом разносится по подъезду. И как так бабка ничего не замечает? Главное, когда я нес ее внучку на руках, было фу как неприлично, а то, что это чмо ее лапает, зашибись как хорошо? Да, в этой семейке не все так радужно.

- Здравствуйте, - Регина здоровается, наконец отпихивает настойчивого ухажера.

- Это кто? - парень смотрит на меня, но обращается к своей спутнице.

- Сосед.

- Сосед продолжает идти дальше и, в самом деле, не мешать.

Удивленно приподнимаю бровь, а вот за наглость ему можно поставить пять и дать леща. А можно и в кровь разбить рыло. Начинаю заводиться.

- Сосед сам решит, когда и куда ему идти. Регин, все в порядке?

- Дядя, ну что у нас может быть не в порядке? Все отлично.

Кто вообще это такой? Судя по машине, шмоткам и брендовым часам, золотая молодежь. Не таких обламывали, с такими и неинтересно. Высокий, белобрысый, тонкие черты лица, мутный взгляд, под кайфом, что ли?

- Регина? - не слушаю тупой базар пацана.

- Да, все нормально, - виновато опускает глаза, топчет разбросанные под ногами розы. - Семён, мне надо идти.

Лишь с третьего раза попадает ключом в замочную скважину, руки дрожат, кусает губы, не смотрит ни на кого, скрывается за дверь.

Я поднимаюсь выше, уже не обращая внимания на парня, а он провожает меня взглядом, готовым выжечь дыру в спине. Видно, что неуравновешенный и склонный к агрессии, сжимает кулаки, хочет что-то сказать, но молчит. Правильно делает, себе дороже.

Потом срывается с места и быстро спускается по лестнице. Надо узнать, кто такой, какого хрена дергается рядом. Хотя зачем мне это? Через месяц, а может, и раньше меня здесь уже не будет. Нас не будет.

Пока варится кофе, снова думаю. Четвертый этаж, окно нараспашку, кондиционер все еще не работает. На другой стороне двора дом, но за высокими зелеными кронами его практически не видно.

Листва даже не колышется, ветра нет совсем, лишь тополиный пух медленно летает белым снегом. Звонок в дверь.

Зачем только пришла, не пойму. Спросить, понравился пирог или нет?

Мне понравились ее губы, но этот десерт трогать не надо.

Снова звонок. Иду открывать, на ходу снимая футболку, мне так нравится реакция Регины на голое тело. Удивление, смущение, капелька страха и безграничное любопытство. Словно кошка, боится, но подходит и смотрит.

– Здравствуйте.

– Здоровались.

– Вы извините, что так вышло, Семён, он нормальный, там ничего такого.

– Меня зовут Матвей.

– Я знаю, – в глазах снова смущение, девушка старается смотреть в лицо, но, как только взгляд опускается ниже, на щеках вспыхивает румянец.

– Можно на «ты», я не такой и старый.

– Конечно нет, что вы? Ты.

– Зайдешь? Кофе сварился.

– Я не пью кофе.

– Расскажешь, почему не пьешь?

Не знаю, зачем вообще разговариваю с ней и приглашаю в квартиру. Сам не пойму, что за тяга такая, малолетка совсем, хоть и восемнадцать уже. Красивая, словно фарфоровая кукла, что продают в антикварных магазинах, такую красоту не каждый оценит и поймет.

А если не оценит, то разобьет вдребезги, и не склеишь.

Идем на кухню, молчит, лишь слышу ее прерывистое дыхание. Интересно, ее губы и сейчас вкуса яблока? Разливаю кофе по чашкам, в свой добавляю сливки, предлагаю Регине, кивает.

Отхожу к окну, опершись на подоконник, делаю небольшой глоток. В такую жару сердце готово остановиться, а я еще и пью кофе.

На Регине все то же платье, она смотрит на чашку, скользит по тонкому фарфору пальцами.

– Я маленькая совсем была, лет пять, наверное, сварила сама кофе, видела, как это делает бабуля. Поставила табурет, все сделала как надо, насыпала слишком много и выпила потом все это, как взрослая, коньяк добавила. Давление подскочило, странная реакция организма, говорят, чуть не умерла. Вот с тех пор кофе и не пью, можно, наверное, но я не хочу. Напилась.

Слушаю ее, и у самого сердце начинает биться чаще. Пора тоже завязывать с этим напитком.

И с этой девчонкой.

Его губы вкуса кофе, у меня наверняка поднялось в тот момент давление, и я готова была умереть от этого поцелуя. Пришла извиниться, рассказала глупую историю из детства, а он снова поцеловал.

Матвей сильными руками прижимал меня к себе. Наши языки снова соприкоснулись, я взлетала до самого солнца, готовая рассыпаться на осколки там, в вышине.

Сажу на подоконнике, в окно светит полная луна, вытираю слезы, вспоминая свой второй в жизни поцелуй.

Господи, какая же я глупая и наивная.

Матвей взрослый, он играет со мной, а я так хочу быть его игрушкой.

Сама не знаю, бестолковая чего желаю. Но он именно тот мужчина, которому я готова отдать всю себя, без остатка. Добровольно. Навсегда.

Дура.

Поцеловал и снова прогнал. В его глазах не было ничего, крепко сдавил плечи, отодвигая меня от себя. Опять одно слово «уйди», как собаке, чтоб шла на свое место.

Срываюсь на плач, кусая ладонь, глушу вой, что вырывается из груди. Звонит телефон, сначала не слышу мелодию, но потом отвечаю.

– Регина, я не разбудила тебя?

– Нет, мам, я не спала.

– Что с голосом? Ты плачешь? Что случилось?

– Ничего. У нас жара ужасная, просто устала.

Вру матери, слышу на заднем фоне шум, голоса, у нее наверняка очередная презентация модной коллекции или фотосессия для журнала. Светская жизнь бывшей манекенщицы, а теперь владелицы собственного агентства кипит и бьет ключом.

– Регина, я настаиваю, чтобы ты приехала ко мне, Италия прекрасна, у тебя каникулы, ты не обязана сидеть около выжившей из ума старухи.

– Мам, не начинай. Я все равно не приеду. Через несколько дней юбилей фирмы и день рождения папы, я бы хотела, чтобы приехала ты. Папе будет приятно.

Мои родители – это больная тема, они вроде вместе, но всегда врозь. Бабуля права, наверное, не стоило отцу влюбляться в манекенщицу и обещать ей целый мир. Но в этом весь мой отец, таких мужчин нет больше, ради любимой пойти против семьи и делать все возможное, чтобы она была счастлива.

Мне жалко его, а иногда хочу, чтобы он встретил хорошую женщину, которая будет его по-настоящему любить. Ладно, пусть не любить, но быть рядом, поддерживать, помогать, а еще я хочу, чтобы мой мужчина был именно таким, как отец.

Но, скорее всего, будет совсем иначе.

– Ты знаешь, милая, я не могу, у нас полный аврал, столько съемок, а еще я буду на обложке одного популярного журнала о моде. Ну конечно, статья о моей команде и наших успехах и планах.

– Мам... ты знаешь, кажется...я...

– Подожди секунду, – слышна итальянская речь, мама отвечает, смех, звон стекла. – Извини, дорогая, мне надо бежать, я завтра наберу обязательно, и подумай о поездке. Целую свою прекрасную девочку.

Я хотела сказать ей, что встретила мужчину и, кажется, влюбилась. Кому мне еще об этом говорить? Сжимаю телефон, снова плачу, вытирая слезы. Сидя на подоконнике, просто смотрю в окно, поджав под себя ноги.

Пространство давит и душит, хочется на улицу. Накинув кофту поверх майки с шортами, надеваю сланцы и тихо покидаю квартиру, чтобы не разбудить бабушку.

Но стоит выйти во двор, как яркий свет фар режет темноту и слепит глаза, зажмуриваюсь, машина проезжает мимо, и только тогда я понимаю, что это мой сосед сверху.

Борюсь с желанием вернуться домой и убежать вглубь площадки, выбираю второй вариант. Но делаю лишь несколько шагов, как меня зовут по имени.

– Регина, можешь не прятаться.

– Я не прячусь.

– Куда собралась в такое время?

– Это не ваше дело.

Не хочу его видеть, прогнал ведь меня. Матвей быстро оказывается рядом, на нем черная футболка, джинсы, смотрит, ждет ответа.

– Так куда ты собралась? Разве приличные девочки гуляют в это время суток, да еще в таком виде? Что скажет бабушка?

– Я повторяюсь, это не ваше дело, куда я пошла. – Не понимаю, откуда во мне столько смелости, но за эти несколько дней надоело такое отношение.

– Не мое, говоришь?

– Да, вы меня прогнали, я ушла. А куда, вас не должно волновать.

Делаю пару шагов в сторону, правда хочу уйти, но мне не дают. Матвей хватает за руку и тянет на себя, тут же прижимая к дереву. Глаза привыкли к темноте. Подняв голову, смотрю в его лицо.

- Плакала?

- Это тоже не ваше дело.

- Смелая, да?

Я лишь стараюсь казаться смелой и дерзкой, но даже не в силах вырваться из его рук. Глупое сердце снова стучит, ломая ребра, в ушах шумит, рядом с ним жарко.

Вот он гладит меня по распущенным волосам, перебирая их пальцами, касается лица, смотрит на губы. Замираю, кажется, что из моих легких выбивают весь кислород.

Но, когда он снова целует, я начинаю дышать.

Жить.

Любить.

Глава 8

Почти рассвет.

Окно открыто. Первый раз за пять лет курю. Никотин обжигает легкие, в голове туман.

Девчонка заснула сразу, на моей груди, прижимаясь стройным телом. Не мог не поцеловать, когда встретил во дворе с заплаканными глазами и припухшими губами.

А когда сделал это, уже не смог остановиться.

Быстро схватив Регину за руку, повел в подъезд, в свою квартиру. В прихожей, лишь закрыл дверь, совсем сорвало все тормоза. Снова вкус яблок, я пропитался им насквозь.

Дурел. Пьянел, жадно поцеловал мягкие губы.

Регина отвечала так открыто, откровенно, а затем отдавала всю себя. Стройное тело, гладкая кожа, стоны, крики.

Я брал, хотел ее словно одержимый, лишь потом, когда все случилось, понял, что она девственница.

Но и это меня не остановило. Как и то, что мы знакомы всего три дня и она дочь человека, у которого я хочу отобрать бизнес.

Снова затяжка, на удивление прохладное утро, в голове практически ни одной мысли. Я взял то, что мне так открыто предложили, а что будет дальше, уже неинтересно.

Или я обманываю себя?

– Почему ты не спишь?

Тихий голос за спиной, знаю, что не надо поворачиваться и смотреть на нее.

– Почему ты не сказала, что девственница?

Молчит, представляю, как опустила глаза, прикусила губу.

– Это уже не важно.

– Но разве приличная девушка не должна хранить себя до свадьбы и для любимого мужчины? А не отдаваться первому встречному?

Все-таки поворачиваюсь, смотрю на Регину. Укрылась покрывалом, спутанные и распущенные волосы струятся по обнаженным плечам, на щеках румянец,

зацелованный мной припухшие губы.

- Наверное, не должна.

Отвечает тихо, прекрасно понимаю, о чем она думает. Сейчас в этой маленькой кукольной головке рухнули строящиеся воздушные замки.

Стали пеплом картинки счастливой жизни, не родились дети, не строился большой дом с зеленой лужайкой, и по ней не забегал огромный пес.

Или все-таки нафантазировала уже?

- Это все ничего не значит, так? То, что было?

Хм, ошибся. Соображает девочка.

- Наверное.

Хотел ответить жестче, не стал. Сейчас, скорее всего, не время вываливать на нее всю правду о настоящих отношениях между мужчиной и женщиной. Они не всегда бывают красивыми.

- Я пойду.

Не стала дожидаться от меня реакции, ушла, а буквально через минуту хлопнула входная дверь.

Не помню, когда последний раз имел отношения с девственницами, снова закурил, выпуская дым в окно. Даже не стал предохраняться, до такой степени накрыло, что удивился сам. Реально, как пацана, повело рядом с ней. Со всеми женщинами предохраняюсь, а девчонка пахла невинностью и яблоками.

Гладкая кожа, громкий вскрик, я собирал слезы с глаз Регины, выступившие от первого, такого болезненного проникновения. Я успокаивал и двигался как можно медленнее, а самого рвало на части от острого желания обладать, смешанного с нежностью.

Мне несвойственно все это, Дина говорит, что я циник и потребитель, а еще грубый в сексе, но ей нравится. Я даже не считаю все то, что сейчас произошло, изменой своей девушке, а ведь я решил, что Дина подходит идеально и вписывается в мою дальнейшую жизнь на ближайшие лет пять-семь, может больше.

Нервно тушу сигарету, иду в душ, пора заниматься делами, а не думать черт-те о чем.

– Регина, ты где была?

Бабуля услышала, как хлопнула дверь, я совсем забыла, что надо было зайти тихо.

– Показалось, что стучали, – говорю как можно спокойней, чтоб не вызвать лишних вопросов.

– И кто там?

– Никого.

Ухожу в свою комнату, сажусь на кровать, смотрю на руки, пальцы дрожат. Я думала, что безответно любить больно, когда тебя не замечают, когда ты всего лишь тень.

А оказалось, хуже, когда заметили, когда взяли то, что предложила, а потом просто снова указали на дверь. Нет, Матей не сказал это словами, но я и так все поняла.

Но ведь это все еще ничего не значит и его холодность она показная, ведь так? То, как он целовал и любил меня, значит гораздо больше.

Или я ошибаюсь?

Легла на бок, свернувшись в позу эмбриона. Слез уже не было, я не могла понять и уловить своих эмоций. Счастье, радость, любовь, горечь, обида – все смешалось.

Вот, оказывается, как это бывает в первый раз. Прижимаю пальцы к губам, они все еще помнят его поцелуи. А кожа – каждое касание и ласку.

Не жалею, ни о чем не жалею. Я отдала свою невинность тому кого люблю.

Все будет хорошо, Матвей сказал это все не со зла, пройдет день, и он снова меня поцелует, как этой ночью.

За окном раннее утро, я проваливаюсь в сон, словно падаю с крутого обрыва в черную пропасть.

Глава 9

– Регина, ты меня вообще слушаешь?

Отрываюсь от чашки чая, который я просто мешаю ложкой, смотрю на бабулю. На самом деле не знаю, о чем она говорила все то время, что мы сидим за столом.

– Извини, задумалась. Так о чем ты говорила?

– Ты какая-то бледная, заболела? Надо смерить температуру, с этой невыносимой жарой и под кондиционерами можно подхватить воспаление легких.

Да, я, наверное, действительно заболела, но лучше бы простудой, чем вот так. Внутри такая пустота, а еще боль. Не понимаю, почему первую любовь возносят до небес и слагают о ней поэмы и стихи. Это совсем не красиво, даже уродливо в моем случае.

Бабуля начинает искать градусник, что-то все говорит, а я не слушаю и не понимаю ее.

А может, это вовсе не любовь и все пройдет? Ну, был секс, это для меня он особенный, для Матвея Жарова, мужчины старше меня на двенадцать лет, вполне рядовое явление. Вчера я, сегодня какая-то другая, взять хотя бы ту девушку, Дину, с которой он говорил по телефону.

Она может быть его невестой или даже женой.

- Вот, нашла, измерь температуру.

- Бабуль, да все в порядке, не выпалась просто.

Все-таки выполняю просьбу, ставлю градусник.

- Я вчера звонила твоей матери-кукушке, у нее, конечно, как обычно, нет времени на собственную дочь, о муже я уже молчу. Господи, лучше бы они развелись, и Костя был бы счастлив. У него и так проблем хватает, мужчине нужна поддержка.

- Каких проблем?

- А у нее, оказывается, там презентация очередного вертепа, - бабуля не замечает мой вопрос или так умело делает вид.

- Не начинай. Она мне звонила вчера, сказала, что не сможет приехать, звала к себе.

- Не доведи господь ехать в эту клоаку, - Алевтина Германовна вскинула руки, потом прижала их к груди, забрала у меня градусник, надел очки, посмотрела на него. - Температуры нет.

- Я говорю, все нормально.

- Да куда там нормально? Бледная вся, ничего не ешь, коленки разодраны, надо было на этого паразита написать заявление в полицию. А то надо же, фронт

какой, пришел утром, привез велосипед.

– Матвей приходил? – Сердце забилось чаще, бабуля посмотрела с подозрением, она хоть и пожилая, но все-таки женщина и много что замечает.

– А чего это ты так разволновалась? Приходил, велосипед стоит в коридоре, яблок еще принес, целый пакет.

– Яблок?

– Не нравится он мне, вот чует сердце неладное, недаром крысы снились в темном подвале. И кстати, звонил твой отец, хотел поговорить, но до тебя не дозвонишься.

– О чем поговорить? Наверное, о юбилее и торжестве?

– Не сказал, голос был совсем замученный, ой беспокойно мне.

Бабуля отпила из кружки чая, потом накапала туда сердечных капель, было непонятно, на самом деле у нее прихватило сердце или это очередное представление. Через три дня торжественный банкет и папин юбилей, я купила ему красивые запонки и галстук.

Улыбнулась, представила, как он начнет удивляться и радоваться. Так всегда, с самого детства, любому моему подарку рад, хоть корявому рисунку или снеговику из пластилина.

– Бабуля, а когда Маргарита Васильевна приедет?

Бабушкина сиделка-компаньонка уже три недели как уехала к родственникам, а меня вот поселили вместо нее. Бабуля поджала губы, начала переставлять на столе чашки и заварник, смахивать невидимые крошки.

– Ой, там так все сложно оказалось, у брата нашли какую-то болезнь, все на нервах, Маргоша не может пока вырваться.

Странно все, думала, что Маргарита – одинокая тетка, а вот нарисовались родственники. Каждый раз мысли обрывались на половине, снова в них был Матвей и проведенная с ним ночь.

Ушла в коридор, где на самом деле стоял мой отремонтированный велосипед, у колес – пакет красных яблок, а еще совсем новый ярко-желтый шлем.

– Бабуль, я погулять, скоро буду.

Решение пришло спонтанно, надела кроссовки, взяла свой рюкзак, закинула туда телефон, выкатив велосипед на улицу, надела шлем и покрутила педали в сторону центра.

Папа наверняка удивится, увидев меня в офисе, но дома сидеть невыносимо, надо хоть немного проветрить голову от мыслей о соседе.

Красивое здание делового центра, дорогие припаркованные автомобили, мой велосипед, конечно, тоже не из дешевых, но смотрится здесь странно. Сняла шлем, достала бутылку с водой, припарковалась в тени колонн, чтобы отдышаться.

Внимание привлекла девушка, которая вышла на крыльцо. Облегающее красное платье, красивая фигура, открытая спина, высокие каблуки. Светлые волосы чуть ниже плеч, она прошла по крыльцу, посмотрела по сторонам, обернулась, словно кого-то ждала.

За ней вышел мужчина, блондинка прильнула к нему всем телом, а он, положив ладонь на ее бедро, провел ей выше, по-хозяйски прижал ее к себе.

Я не видела ее лица, незнакомка что-то говорила, потом засмеялась, ее спутник улыбнулся. А я отчетливо услышала, как мое сердце разбилось вдребезги о черный мрамор ступеней.

Это был Матвей, тот самый мужчина, которому я сегодня ночью отдала свою девственность, а она ему оказалась не так и нужна.

Вот сейчас он обнимает красотку блондинку, улыбается ей, я практически не знаю, как он это делает. Мне он никогда не улыбался.

Стою и смотрю на эту красивую пару, вот Матвей помогает своей спутнице спуститься к машине. Белый «Инфинити», открывает дверь, девушка поворачивается ко мне лицом, а шкала моей самооценки опускается ниже нуля.

Она очень красивая и яркая, тянется к Матвею, ведет пальчиками по груди, он целует ее, едва касаясь губ. Она влюблена в него, это видно, теперь то я знаю, как это выглядит.

Меня он целовал совсем иначе, не так нежно.

Мне бы не смотреть на все это, но я продолжаю как одержимая, не в силах оторваться от вида широкой спины Матвея, мужественного профиля и сильных рук на талии блондинки.

Глава 10

– Матвей, ну почему ты такой бука?

– Дина, я просил тебя не приезжать в офис, совсем необязательно, чтобы тебя здесь видели.

– А я просила не называть меня Дина, я Диана, как принцесса.

Смотрю в красивое лицо девушки, в карие глаза с неестественно длинными ресницами. Ловлю себя на мысли, что последнее время меня окружают одни царственные особы. Царица Регина, принцесса Диана.

При воспоминании о девушке плотно сжимаю челюсти, так что скрипят зубы. Ведь дал установку не думать о ней, не вспоминать.

– Так я тебя просил, Диана? – нарочно выделяю имя.

– Ну что такого в том, что я навещу своего любимого мужчину? Заодно проверю коллектив, вдруг какая-то девка захочет тебя увести от меня.

– Это ревность?

– Безумная. К тому же папа ждет нас вечером на ужин. Ты знаешь, ему нельзя отказывать.

Диана жметя ко мне всем телом, скольжу ладонью от талии до бедра, от нее пахнет чем-то приторно-сладким. Да, ее отцу нельзя отказывать, это для некоторых бывает просто опасно для жизни.

Савелий Демидов – очень влиятельный, а еще жесткий и злопамятный человек. Но, не будь он таким, навряд ли чего-то добился в этой жизни, не имел бы столько власти и не внушал бы страх.

Единственный человек, кого он слепо любит, чьи прихоти и капризы выполняет, кому готов простить любую шалость, это его дочь Диана.

К сыну он не испытывает и доли тех чувств, тридцатилетнего мужика, моего ровесника, держит в ежовых рукавицах, гоняет как мальчишку.

Сергей у него мальчик для битья, хотя очень грамотный в плане бизнеса. Все пытается доказать, что он достойный наследник и сможет продолжить все дела отца. Но Демидов не спешит и в теневой бизнес сына не пускает. Не знаю, откуда такая нелюбовь.

– Матвей, так что?

– Да, конечно, разве Савелию Макаровичу можно отказать? Обожаю ваши семейные посиделки.

– Это шутка?

– Разве в твоей семье понимают шутки?

Диана улыбается, яркая, привлекательная, словно картинка с модного глянцевого журнала, но такая неестественная, что ли. Почему я заметил это именно сейчас?

- Тогда до вечера?

- Да, дорогая.

Обнимаю крепче, легким касанием целую в яркие губы, в нос снова ударяет аромат сладких духов, не думал, что меня и он начнет так раздражать.

Некоторое время стою у крыльца, провожая взглядом белый новенький автомобиль. Знойный полдень вновь раскаляет воздух, так что дышать становится тяжело.

Чувствую спиной чей-то пристальный взгляд. Еще с интерната выработалась привычка все вокруг замечать, не люблю, когда вот так смотрят исподтишка.

Но, обернувшись назад, никого не замечаю, лишь знакомый велосипед у колонны, справа от входа. Я сегодня сам, лично затащил его на третий этаж, вручив противной бабуле, еще пакет красных яблок, купленных на рынке. Вот это был совсем странный порыв с моей стороны.

Зашел в здание, поднялся на нужный этаж, надо бы напомнить Левицкому, что сегодня приедут юристы. После обыска и разгрома, устроенного с утра полицией и прокуратурой, все, включая генерального директора, еще пребывают в шоковом состоянии.

А как он хотел? Надо уметь правильно и грамотно подчищать за собой или делиться. Секретарь в приемной улыбается, увидев меня, но как-то нервно, стол завален бумагами и папками.

- А Константин Игоревич занят.

За дверь слышны голоса, на кресле лежит желтый велосипедный шлем, еще один мой странный порыв и желание, чтобы Регина как-то была защищена. Хотя, по сути, мне до нее не должно быть никакого дела. Абсолютно никакого, но вот

шлем купил и яблоки.

Значит, дочка решила навестить отца? Уверенно открываю дверь кабинета.

- Матвей Евгеньевич... Туда нельзя.

Не обращаю никакого внимания на возгласы секретаря, мне можно в этой фирме заходить везде и делать то, что захочу.

- Папа, я не понимаю, объясни мне, что происходит? Почему я должна ехать к маме? Что с твоим кабинетом?

- Здесь был обыск?

- Обыск?

- Да, дочь, есть такое следственное действие прокуратуры и полиции. Поэтому я хочу, чтобы сразу после праздника ты уехала, билеты я уже заказал, можешь собирать вещи.

- Как прокуратора? Тебя в чем-то обвиняют? Но как же бабуля? Я ничего не понимаю. Я не хочу никуда ехать.

- Так будет лучше и так надо, - Константин Игоревич повышает голос.

- Будет лучше для кого?

- Ты поймешь все потом, но тебе надо уехать.

- Нет, я хочу понять все сейчас, я не маленькая девочка, и мне не пять лет, чтобы купить куклу, отправить к маме и сказать, что все хорошо, - а вот и Регина показала свои зубки, даже засмотрелся на нее. Такая рыжая фурия, готовая разгромить все вокруг еще больше.

- Мы поговорим вечером.

Они меня даже не замечают, увлеченные беседой. Регина сегодня в обтягивающих лосинах, стройные ноги, упругая круглая попка, длинная майка, через которую виден топ, за спиной яркий рюкзак, волосы распущены.

Я перебирал их пальцами, наматывал на кулак и нежно ласкал этой ночью, они были гладкие словно шелк и тоже пахли яблоком, как и сама Регина.

Глава 11

– Матвей Евгеньевич, я вас не заметил. Вы что-то хотели?

Замираю на месте, внутри все сжимается, ладони покрываются липким потом. Этого не может быть. Здание большое, здесь больше двух десятка офисов крупных компаний. Что Матвей делает в кабинете моего отца?

Боюсь повернуться и встретиться с холодным взглядом мужчины, он несколько минут назад обнимал и целовал другу девушку.

Кто я такая для него?

Девочка, которая отдала себя, добровольно и открыто. Так глупо рассчитывая на взаимность взрослого мужчины.

Отец напряжен, за те дни, что я его не видела, он как-то быстро постарел, на висках добавилось седины, похудел, под глазами черные круги. В кабинете сущий бардак, в самом офисе суeta и нервные сотрудники.

– Хотел напомнить вам что через час придут юристы, надо закончить все формальности.

– Так быстро?

– Не вижу смысла тянуть.

Даже его голос причиняет боль, кажешься, что меня режут острым ножом по тонкой коже.

- Не представишь меня девушке?

Отец медлит, хочет что-то ответить, а я поворачиваясь натыкаюсь на взгляд синих глаз, Матвей расслаблен, одна рука в кармане брюк, идеально сидящая на широких плечах светлая рубашка.

Он словно видит меня впервые.

- Моя дочь, Регина. Она уже уходит.

- Нет, папа я не ухожу.

- Это мой новый заместитель Матвей Евгеньевич Жаров.

Все очень странно, у отца был только один заместитель Владимир Петрович, дядя Володя мой крестный и старый друг отца.

- А где Владимир Петрович?

- Владимир Петрович ушел на пенсию, - Матвей ответил за отца, мне это не понравилось.

Сейчас он совсем другой, мне не знакомый.

Чужой.

Холодный и непроницаемый взгляд, он видит меня впервые. Так смотрят на подростков, на детей сослуживцев, а ни как ни на девушку с которой был секс.

Я не могу показать своих эмоций при отце, но мне так до боли обидно, что хочется плакать. Еще там хотелось, на крыльце, глядя на то, как Матвей обнимает и целует красивую девушку.

– Регина, тебе надо идти. У меня много работы.

– Но ты так ничего и не объяснил.

– Все потом милая. Иди. Я приеду вечером.

Чувствую взгляд Матвея, в голове полная неразбериха, пульс стучит в висках, начинает подташнивать, наверно поднялось давление. На ватных ногах иду к выходу не смотрю больше на мужчин.

Надо подышать воздухом и умыться холодной водой. Надо просто успокоиться и хорошенько подумать, а вечером все спросить у папы.

– Регина, Регина! Ты шлем забыла.

Останавливаюсь на выходе из приемной, секретарь окликнула меня. Хочу развернуться, но тут меня обнимают за талию, толкают в коридор, не сопротивляюсь, просто иду.

– Я провожу, пойдём.

– Куда...вы меня ведете? Отпустите.

Мне настолько плохо, что перед глазами красные круги, а голова идёт кругом. В какой-то момент я проваливаюсь в черную бездну, а потом выныриваю, жадно глотая ртом воздух. На лицо брызгают холодной водой, я лежу на чем-то мягком.

– Все хорошо? Попей воды.

Картинка становится четкой, Матвей поит меня водой, придерживая за шею.

– Как ты?

– Отпустите, все нормально.

– Ты только что упала в обморок, это не совсем нормально.

- Это не ваше дело.

Хочу встать и уйти, это все из-за нервов, надо просто отдохнуть. Но меня не пускают, Матвей сидит рядом, пристально меня разглядывая. А я снова боюсь на него смотреть и видеть в его глаза холод и безразличие.

- Ты часто падаешь в обмороки?

- Нет, просто жара. Дай мне встать.

Касание лица поднимает за подбородок, заставляя смотреть на себя. А мне до такой степени больно, что болит сердце.

Он чужой. Совсем не мой.

Той, другой девушке.

И никогда не будет моим.

- Почему ты плачешь?

- Я не плачу.

Сколько нужно заплатить, чтоб он меня любил?

Какая цена его любви?

Вытирает пальцами слезы с щек, теперь в его глазах нет безразличия. Какой же все-таки он разный. А потом резко притягивая впивается в мои губы болезненным поцелуем.

У меня вырастают крылья, я моментально взлетаю так высоко, что еще немного и они вспыхнут огнем как на татуировки что на спине Матвея.

Поцелуй долгий, лишаящий остаток воли и последних крупиц разума. Отвечаю сама, как голодна пью его дыхание. Руки Матвея уже под мой майкой, ласкают обнаженную кожу.

Совсем недавно мне было так плохо, а теперь хорошо, что хочется кричать об этом на весь мир. Я не слышу своих стонов, но мне так мало этого поцелуя. Цепляюсь за шею Матвея, он что-то говорит, а я не понимаю.

Как всего за несколько дней я стала зависима от этого мужчины?

Если сейчас он не остановится, то я вновь позволю ему взять себя. И неважно, что он обнимал другую, что она красивее меня, сейчас же он со мной.

До какой же степени я в тот момент была наивна и влюблена. Верила, что все может быть прекрасно и мои чувства взаимны. Что этот мужчина моя судьба, так оно и окажется, но любовь будет слишком уродливой и циничной.

Глава 12

– Где она?

– Закрылась в ванной, сидит который час, до этого была у себя в комнате, ничего не ест. Костик, объясни мне, что происходит? Вдруг она там режет вены? Подростки сейчас такие неуправляемые.

– Мама, не драматизируй, Регина, открой дверь! Слышишь меня? Открой! Кому говорю?

Папа дергает ручку с той стороны, а я, просто закутавшись в махровый халат, сижу на бортике ванны и смотрю на себя в зеркало.

Припухшие от поцелуев губы, на шее даже есть засос, заплаканные глаза. Руки трясутся, сама не знаю почему. То, что произошло в кабинете, перевернуло все

мое сознание.

Оказывается, бывает и так.

Яркий, страстный, откровенный секс. Матвей зажимал мой рот ладонью, глуша крики и громкие стоны. Брал словно голодный, до сладкой боли вонзаясь глубоко в мое тело. Мой первый оргазм разорвал мир на миллион радужных осколков, таких острых, принося только удовольствие.

– Регина, открой немедленно! Иначе я выломаю дверь!

Папа не унимается, бабуля что-то тараторит рядом о подростках и суициде. Нет, я не буду резать вены и глотать таблетки, не сейчас. Когда со мной случилось такое и я полюбила как ненормальная.

Мне больно и хорошо одновременно.

Разве так бывает?

Но взгляд Матвея после нашей близости ранил больше всего. В нем снова было равнодушие и превосходство. Но я ведь знаю, я видела, буквально через несколько минут, после того как все случилось, он смотрел иначе.

Быстро выжидала тогда из кабинета, наспех поправляя одежду. На чистом адреналине, который все еще кипел в крови, добралась до дома.

– Доченька, открой дверь, нам надо серьезно поговорить.

Выполняю просьбу отца, он стоит на пороге, уставший, глаза красные. Мне жаль его, и так, наверное, куча проблем и забот, а еще я со своими закидонами.

– Что случилось?

– Ничего, просто хотела побыть одна, в этом доме это практически невозможно сделать, – закручиваю влажные волосы в высокий пучок, прохожу на кухню.

– Регина, что такое ты говоришь? – бабуля снова затараторила, от ее причитаний и так раскалывается голова третий день. Ее чрезмерная опека давит и раздражает. Дома я была предоставлена самой себе, и меня это устраивало.

На кухне завариваю зеленый чай. У меня было столько вопросов к отцу, а сейчас я словно застыла во времени.

– Дочь, что случилось? – папа берет за локоть, разворачивает к себе, пристально смотрит. Я совсем на него непохожа, вся в мать: глазами, цветом волос, бледностью кожи. Но он всегда волновался за меня больше нее.

– Скажи, тот мужчина у тебя в кабинете, кто он? – аккуратно задаю самый волнующий вопрос.

Молчит, отводит взгляд.

– Какой мужчина? – бабуля влезает снова.

– Пап? Ответь.

– Регина, тебе лучше не знать, пока не знать. Скоро все закончится, и я все объясню.

– Ты объяснишь мне сейчас, я не пятилетний ребенок, я имею право знать все, что происходит в моей семье. Почему меня сослали жить сюда из нашей квартиры и дома? Почему ты ведешь себя странно? Почему говоришь, что надо уехать?

– Вот уехать – это будет правильно, не нравится мне все это.

– Бабуля! Ты ведь недавно была против, что изменилось?

Двое взрослых, самых близких мне людей только смотрят на меня, потом друг на друга и ничего не объясняют.

– Кто тот мужчина? Что он делает у тебя в офисе?

- Я же говорил, он мой новый заместитель.

- Это не ответ.

Папа отходит к окну, долго смотрит в уже темное небо, спина напряжена. Я знаю, что услышу что-то нехорошее. Может, и не надо было спрашивать?

- Через два дня банкет, там все всё узнают.

- Что всё?

- Регина, если ты говоришь, что взрослая, значит, можешь потерпеть несколько дней, ведь так?

Голос строгий, руки за спиной, ладони сжаты в кулаки.

- Но тебе придется уехать сразу после него. Билет куплен, Эльвиру я предупредил, твоя мать ждет тебя.

- Я никуда не поеду, - отвечаю слишком быстро и эмоционально.

- Тебя никто не спрашивает. Все решено.

- Ты не имеешь права так поступать! Здесь моя жизнь, бабуля, ты, учеба, дом.

- Это вынужденная мера, несколько месяцев тебе придется пожить в Италии у своей матери, согласишься, это не самый ужасный вариант.

- Нет.

- Вопрос закрыт.

Отец наконец разворачивается, бледный, уставший, мое сердце сжимается от боли, сразу перестаю с ним спорить. Мы поговорим потом, когда наступит благоприятный момент и мы оба не будем на взводе.

Он уходит, вижу на столе распечатанный лист бумаги, на котором написаны время и даты вылета. Всего три дня, и я могу улететь на долгие месяцы из страны.

Но разве я смогу?

Сердце в груди сдавливает словно тисками. Моя первая любовь оказалась вся пропитана болью, горечью и слезами. Где-то невероятное счастье? Где радость? Где восторг и бабочки в животе?

Ничего этого нет.

Но это все равно любовь. Я чувствую. Я знаю.

Опускаюсь на стул, смотрю в одну точку, размешивая уже остывший чай. Совсем не хочу есть и даже пить. Отец лишь гладит меня по плечам, потом быстро уходит, хлопает входная дверь.

- Девочка моя, тебя кто-то обидел?

Бабуля садится рядом, берет мои руки в свои, заглядывает в лицо.

Что я ей скажу? Да, мол, у меня был секс с мужчиной старше меня, я наивная, думаю, что небезразлична ему. Но у него, скорее всего, есть другая женщина. И я не знаю, что делать.

- Поверь, это все пройдет, всегда проходит, остается только главное, - бабуля так пристально смотрит в мои глаза, словно читает мысли и все чувствует. - Главное - не растерять себя, не отдавать слишком высокую цену, иначе ничего не останется, а вот тогда будет по-настоящему больно.

- Я так тебя люблю, - снова плачу, обнимая бабушку.

- И я тебя люблю, моя девочка. Все будет хорошо.

Глава 13

– Регинка, привет, милый костюмчик. Но, чтоб ты знала, не в обиду, конечно, он был в моде в том году.

– Привет, Лиля. Я считаю, что классика всегда в моде.

Меньше всего я хотела сейчас видеть Лилю. Яркая брюнетка двадцати пяти лет, любящая все блестящее, много говорить и собирать сплетни. А еще она старшая дочь папиного заместителя, того самого Владимира Петровича Сорокина, который перестал им быть по неизвестным мне причинам.

Лиля полностью оправдывала свою фамилию, сейчас на ней было черное, с переливающимися блестками, обтягивающее, очень короткое платье, высоченные каблуки, яркий макияж. Лиля работает в фирме отца, в бухгалтерии, и знала все новости.

– Ты чего такая кислая? Давай выпьем.

Сжимаю бокал шампанского, так и не сделала ни одного глотка. Очень долго собиралась на этот праздник, от которого совсем не радостно на душе. Пришлось достать из шкафа темно-синий брючный костюм, чтобы прикрыть разодранные колени и незажившие локти.

Вышел вполне милый образ: белый топ, туфли на невысоком каблуке, выпрямила волосы и уложила их на одно плечо, даже сделала легкий макияж.

– Лиля, я не пью, ты знаешь.

– Господи, какая ты скучная. Так никогда себе мужика не найдешь.

Лиля выпила свой бокал залпом, схватила с подноса мимо проходящего официанта еще один. Открытая веранда загородного комплекса сверкала огнями, было уже не так жарко, дамы в открытых платьях, мне бы тоже стоило снять пиджак, но бил озноб, словно я днем очень сильно перегрелась на солнце.

Двадцатилетие фирмы праздновали с размахом, я знала, что все давно уже было заказано, оговорена программа, приглашены очень влиятельные и не последние лица нашего города, телевидение, журналисты, блогеры.

Папа был где-то с гостями, утром я поздравила его с днем рождения, которое совпало с этим праздником, вручила подарок. На его усталом лице мелькнула радость, но в глазах была тоска, а еще сожаление.

В ровной глади бассейна отражались мерцающие гирлянды, легкий цветочный аромат, смешанный с парфюмом гостей, летал в воздухе, играла живая музыка.

– Как твой папа? Как Владимир Петрович? Несколько дней назад была в офисе и не застала его там.

Лиля поджала губы, посмотрела в свой бокал, потом на меня уже с улыбкой.

– Все хорошо, срочно пришлось уехать, дедушку оперируют в Израиле, ну ты знаешь, там лучшие клиники.

Лиля врала, я чувствовала это. Она была кокеткой и сплетницей, но лгать не умела.

– А что за новый заместитель появился, ты не знаешь?

Спросила, а у самой похолодели пальцы и в горле пересохло.

– О, так ты видела его? – Лиля оживилась, в глазах появился блеск, она нервно облизала яркие губы, откинула за плечо длинные темные кудри.

Так и хотелось ответить, что я не только видела его, но и занималась с ним сексом два раза, что он мой первый мужчина и что я люблю его.

Конечно, я промолчала.

– Да, пришлось.

– Матвей Евгеньевич – это что-то, мужчина мечты. Он когда заходит в бухгалтерию, я начинаю возбуждаться, да и не я одна. С его появлением весь офис готов выпрыгнуть из трусов.

– Удалось?

– Что?

– Выпрыгнуть?

– О, что ты, он неприступен как скала.

Не скажу, что отлегло от сердца. С таким успехом он мог приглашать к себе любую в свой кабинет, на тот самый диванчик или рабочий стол, о который я сама опиралась руками, когда он брал меня.

– Говорят, у него есть невеста, – Лиля заговорила громким шепотом, словно делилась великой тайной.

– Невеста?

Сердце сжалось внутри и тут же ухнуло вниз, сделала несколько глотков из бокала, забыв, что это алкоголь.

– Такой мужчина не может быть одиноким, обязательно будут жена, невеста, любовница. Уж я-то знаю, поверь мне.

Великий знаток мужчин Лилия Владимировна Сорока кого-то увидела в толпе гостей, поправила грудь, приподняв ее и опустив при этом еще ниже глубокое декольте, улыбнулась.

– Это он.

– Кто? Матвей?

Я боялась увидеть его, но в то же время так хотела этого. Безумно. Как ненормальная.

- Лёша, я тут, привет, - Лиля махала рукой.

Но к нам подходил совершенно другой мужчина. Невысокий брюнет, обаятельная улыбка, стильная стрижка, брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Некий образ пижона и покорителя женских сердец.

- Лилечка, ты, как всегда, обворожительна и соблазнительна, я готов скушать тебя прямо здесь.

На вид ему не было и тридцати, вот он оторвался от созерцания Лилькиных прелестей, поцеловав ей руку, отчего девушка захихикала, мужчина обратил свое внимание на меня.

- А ты... я тебя видел, - прищурил глаза, с интересом разглядывая уже меня с ног до головы.

- Где? - я насторожилась.

- А нет, перепутал, - он словно вовремя заставил себя замолчать. - Лиля, не представишь нас?

- Регина Левицкая, дочь нашего босса. Но она слишком молода для тебя, так что и не мечтай.

- М-м-м-м... какая красивая дочь у босса. Меня зовут Алексей.

Не скажу, что от его взглядов и комплиментов было неприятно, но я считала, что это неуместно - тискать Лильку и так глазеть на меня.

Позади нас раздался громкий смех, мы дружно обернулись. В нескольких метрах стояли трое мужчин и одна девушка в облегающем изумрудном платье с открытой спиной и красиво уложенными белокурыми волосами.

Мужчина держал ее за талию, а когда он повернулся в нашу сторону и посмотрел сквозь меня, я думала, что мое сердце остановится, но оно продолжало биться.

Я была пустым местом.

Безликой декорацией на этом празднике, а не той, которую он целовал так, словно был голоден, несколько дней назад.

Я была никем.

Глава 14

– О, вот и Регина, а это он, тот самый Матвей Жаров.

– Лилечка, я уже начинаю ревновать, – Алексей шутил, Лилька хихикала, а я чувствовала, как земля уходит из-под моих ног.

Снова сделала несколько глотков шампанского из бокала, не замечая, как осушила его полностью. В голове зашумело, но стало легче, алкоголь понесся по крови, врываясь в мозг, наступила пятиминутная отрешенность от происходящего.

А вкусное шампанское, надо спросить название.

Я снова смотрела не отрываясь на Матвея и его спутницу, та самая блондинка, что была у крыльца офиса, только еще ярче, красивее, словно звезда на темном небосводе. Такой нельзя не увлечься.

– Алексей, а кто та девушка с Матвеем Евгеньевичем? – Лиля задала вопрос, который вертелся у меня на языке.

– Диана Демидова, дочь очень, очень влиятельного, можно сказать, могущественного человека этого города.

– Ого, серьезный дядя. А ты сам не местный?

– Увы, нет, иначе давно бы уже пал у ног такой сладкой конфетки, как ты.

Лиля снова смеется, чувствую, как на глаза наворачиваются слезы, сквозь них уже практически ничего не видно. Музыка становится громче, играет красивая медленная композиция. Матвей проходит мимо нас, ведя свою спутницу на импровизированный танцпол, там уже несколько пар кружатся в танце.

Легкое касание пальцев, он убирает невидимые пушинки с ее ресниц, девушка улыбается. Они танцуют, потрясающе красивая пара: сильный и уверенный мужчина, широкие плечи, идеально сидящий на них пиджак, и стройная девушка, слегка загорелая кожа, пухлые губы и абсолютно влюбленный взгляд.

Мне плохо.

Мне очень плохо.

Хочется упасть прямо здесь, начать биться в истерике, проклиная весь мир, кричать: «Почему?» и «За что?».

Но я падаю в черную бездну, на ее дне для меня приготовлен адский жаркий костер, на котором я буду гореть.

Тогда у меня еще была крупица надежды, что все может быть иначе, но я на самом деле буду гореть очень долго, когда-то сильнее, а когда-то просто тлеть углями.

Шампанское так быстро выветривается из головы, беру второй бокал, разворачиваюсь, ухожу как можно дальше от людей, на ходу выпивая его весь.

Не могу больше на это смотреть.

Не могу видеть его с ней, это скребет ржавым гвоздем по открытому сердцу. Господи, почему так невыносимо больно?

Хочу умыться, захожу в помещение, практически шатаюсь, нахожу туалет, наверное служебный. Снимая пиджак, бросаю его на грудку белых фартуков и униформы официантов, лежащую у стиральной машинки. Включаю холодную воду, долго держу под ней руки, так что немеют пальцы.

Но, когда вода прекращает течь и их сжимают горячими руками, а шею при этом целуют, вздрагиваю от испуга, пытаюсь повернуться, но мне не дают.

Мята и лимон, так пахнет только мой мужчина. Матвей без слов, словно одержимый, засасывает тонкую кожу, до боли сжимая талию, грудь, расстегивая мои брюки.

Я реально пьяная. От двух бокалов шампанского и его ласк.

– Матвей, подожди... а-а-а-а... боже мой... Матвей.

Он не отвечает, продолжает делать то, что хочет, брать то, что принадлежит только ему, а я опять как безвольная кукла рядом с ним, не могу отказать.

Снова те яркие ощущения от касаний рук в сокровенных местах. От грубых поцелуев, от напора и страсти, сжигающей меня изнутри. Мой зажатый рот, толчки, яркое солнце перед глазами. Все происходит очень быстро, сердце трепещет в груди, как пойманная в клетку птица. И уже всё мое тело горит от острого удовольствия.

Последнее, что я слышала, это звуки бляшки ремня и захлопывающейся двери, как оглушающий удар, от которого звенит в ушах.

Ничего не понимаю. Наверное, так чувствуют себя люди, когда рядом разорвалась граната, полная контузия. Мой телефон звонит где-то на полу, смотрю вниз, надевая белье и брюки. Это отец, надо ответить.

– Регина, ты где?

– Я сейчас... скоро приду... в туалете, голова закружилась.

Не хочу сейчас думать о том, что произошло, но это дает надежду мне, наивной дурочке. Хоть Матвей и танцует с другой, он был сейчас со мной. Привожу себя в порядок, выхожу на улицу, быстро иду к месту проведения торжества.

– Ты где была? – Лиля подозрительно смотрит, но я не обращаю на нее внимания.

Музыка затихает, ведущий что-то говорит, но я не понимаю. А когда микрофон попадает в руки моему отцу, замолкают все.

Он произносит длинную речь о фирме, о ее достижениях, но все это сказано с такой горечью, что кажется, будто он прощается со всеми.

– Спасибо всем, что вы пришли, что поделили эту радость с нами. Спасибо за поздравления с днем рождения. Но я должен огорчить вас или обрадовать, тут уж как получится, – грустная улыбка, отец пожимает плечами. – С завтрашнего дня у вас новый руководитель, новый генеральный директор – Жаров Матвей Евгеньевич. А также его очаровательная невеста Диана Демидова.

Собравшийся народ взволнованно задает вопросы, я сама в шоке. Как? Почему? Как папа мог допустить такое?

Матвей появляется рядом с отцом, медленно обводит холодным и оценивающим взглядом каждого присутствующего. Так смотрит вожак на свою стаю, но он и ее не пожалеет, если придется делать выбор.

На меня задерживается чуть дольше, чем положено, но отводит взгляд в сторону.

Вожак потерял ко мне интерес, он получил все, что хотел.

Жаров начинает говорить в микрофон, но я не могу разобрать и слова. Голова немного кружится, и подташнивает. Прикладываю пальцы к губам, чувствуя что-то влажное и теплое.

Кровь течет из носа. Она с привкусом железа.

– Черт, Регина, ты сейчас замараешь весь костюм, надо приложить лед. Пойдем быстрее.

Лиля тянет меня за руку в сторону, не сопротивляюсь. Уже ничего не имеет значения.

Все уже сделано. Иначе не будет.

Глава 15

На кухне полумрак, тусклым светом в углу горит торшер. Отец сидит за столом, перед ним открытая бутылка водки, налитая до краев стопка и разбросанные бумаги.

– Папа, – подхожу медленно, опустив руки на его плечи, мне так невыносимо жалко его, до слез, до боли.

– Да, милая, не переживай, все хорошо.

– Как же хорошо, если этот праздник обернулся для нас чистой трагедией? Почему так все случилось? Почему ты отдал фирму?

Отец тяжело вздыхает, не смотрит на меня, перебирает бумаги. Я лишь выхватываю отдельные слова из текста: банкротство, арест имущества, уголовное дело.

– Так бывает, дочь, друзья иногда предают, находятся более ушлые и не имеющие совести люди. Это жизнь, от нее никто не застрахован.

– Тебя предал Владимир Петрович?

- Обстоятельства сложились не в мою пользу, он выбрал собственное благополучие, а все его теневые схемы на фирме повесили на меня.

- Но... разве так можно?

- Наверное.

Отец говорил это все таким будничным тоном, ни малейшего упрека или злости. Слишком добрый и понимающий, с таким характером нельзя вообще строить бизнес.

- А тот Жаров? Кто он?

Боюсь услышать ответ, уже знаю его. Я неглупая, поняла сама, кто такой мой первый мужчина, тот, кого я люблю, кому отдалась. Лиля что-то говорила, уводя меня с торжества, голова кружилась все больше, кровь шла носом. Мне совсем скоро девятнадцать, а нервы уже ни к черту.

- Лилия, получается, теперь в фирме отца другой руководитель и владелец?

- Нет больше фирмы и не будет.

- Как не будет? - сидела на скамейке, прижимала к носу кусок льда, замотанный в платок, который Лилия утащила из ведерка для шампанского.

- Так не будет. Жаров просто разорит ее, обанкротит или продаст, так папа сказал. Он как опустошитель, находит слабое место, копает, собирает информацию, а потом рвет на части. Ничего личного, только бизнес и деньги.

- Но...как же люди, сотрудники, ты ведь тоже работаешь в этой фирме?

- Регина, это игры взрослых мужчин, лучше не лезть туда, себе дороже.

- Поэтому твой папа и уехал?

- И так сказала лишнего, прощай, Регина.

– Постой, кто он вообще? Откуда взялся?

– Не знаю, уже и неважно. Но он очень опасный человек.

Лиля тогда ушла, а я еще долго сидела, слушая гул голосов, музыку, смех и веселье, которое происходило в день юбилея фирмы, которой осталось существовать совсем немного. Сотрудники праздновали начало конца, поднимали бокалы и говорили тосты о процветании, которого не будет.

Мой мир рушился так же.

Ничего больше не будет как прежде.

Я так привыкла к той боли, что пропитала всю меня за несколько дней, что мы с ней, наверное, стали подругами. Слез уже нет, как и сил встать и уехать домой.

Чувствую на себе взгляд. Знаю чей. Пальцы начинают дрожать, легкие наполняются горячим кислородом.

– Простынешь.

Голос бьет по нервам, я должна спросить. Задать один вопрос.

– Скажи почему?

Оборачиваюсь, Матвей в двух метрах от меня, руки в карманах брюк, расслаблен, в глазах блеск. Он немного пьян.

– Что «почему», царица? – ему весело.

– Почему ты так со мной?

– Ты ведь сама этого хотела?

– Нет, я хотела другого.

- А получила, что заслужила. Ведь так всегда? Мы получаем то, что заслужили. Твои желания были изначально неправильные. Как, ты думала, отреагирует взрослый мужчина, когда рядом постоянно крутится девчонка, предлагая себя ему?

- Но... я не предлагала. Я... - Хотела сказать «любила», но вовремя остановилась.

Он говорит вроде обидные слова, топчет, унижает, закапывая меня еще глубже в могилу своей нелюбви.

- Тогда за что? Что я сделала плохого? Я ведь люблю тебя.

Сказала, а сама испугалась этих слов.

Слезы все-таки потекли по щекам. Кусаю губы, смотрю в красивые и такие холодные глаза мужчины, а в них нет ничего, чтобы дало мне надежду на будущее.

Матвей смотрит долго, но продолжает молчать. Если он сейчас развернется и уйдет, я буду окончательно раздавлена.

- Это твои проблемы.

Он ушел.

Так просто.

Оставив меня одну, жалкую, зареванную, со своей ненужной ему любовью. Там есть другая девушка, которая тоже любит, она интересней.

- Не плачь, милая, все будет хорошо.

Воспоминания вечера накрыли снова, как бы я их от себя ни гнала. Отец обнимает меня, гладит по голове.

- Через пять часов самолет, ты собралась?

– Я не хочу никуда ехать, я не могу бросить тебя в такое время.

– Можешь и поедешь, мы с бабулей приедем позже, навестим вас. Хорошо, что ее счета не арестовали, хотя с нашим домом и квартирой придется проститься. Твой папа не совсем доверчивый олух, чтоб хранить все яйца в одной корзине.

– Но... я не могу... я хочу быть рядом с тобой. Хочу помочь, да и бабуля требует присмотра.

– Ты всегда рядом, но надо уехать. Завтра вернется ее компаньонка, она будет не одна, я сам буду жить здесь.

Понимаю, что отец прав, уехать на несколько месяцев до начала учебы – это лучшее решение. Здесь, в этом доме, где еще так свежи воспоминания о соседе, сейчас находиться невыносимо.

– Хорошо, но к сентябрю я вернусь.

– Конечно, милая.

Мы так и стоим, обнявшись посередине темной кухни, сами не зная, что я вернусь совсем нескоро.

И вернусь не одна.

Через много лет случайное знакомство вновь сведет меня с человеком, чья нелюбовь сделала сильнее.

И теперь уже Жарову не хватит жизни, чтобы заплатить по счетам.

Глава 16

Прошло 7 лет

– Волнуешься?

– Совсем немного.

Я с интересом разглядывала изменившийся за годы моего отсутствия родной город. Дома стали выше, яркая реклама переливалась неоновым цветом. В этот вечер было так же жарко, как и в тот, последний, который я провела здесь.

Днем тополиный пух кружил белыми снежинками в раскаленном воздухе, солнце обжигало кожу, а на душе было беспокойно.

– Регина, все нормально?

Мужчина, сидевший рядом, почти всю дорогу вглядывался в мое лицо, поправил прядь волос, пропуская ее через пальцы. Ему очень нравилось так делать.

– Да, Серёжа, все хорошо.

– Не волнуйся, пожалуйста, моя семья тебя не съест, хотя они могут. Это всего лишь ужин, он ни к чему не обязывает. Зять открывает новый ресторан, они год назад с сестрой вернулись из Москвы, решили, что столичная жизнь полна суеты.

– Представляю.

Поправила легкую ткань кремового платья, разгладила складки на коленях, посмотрела на сидящего Сергея, он нравился мне: заботливый, внимательный, Костик к нему привык. А еще у него добрые глаза.

– Сегодня как раз открытие ресторана, мы попали с корабля на бал.

– Это точно.

Не прошло и двух дней после нашего возвращения из Италии, как светская жизнь начала затягивать.

Автомобиль остановился, Сергей вышел первым, открыл дверь и подал руку. Я вышла наружу, придерживая подол платья, огляделась по сторонам, остановив взгляд на красивых буквах названия ресторана, что сверкали на фоне темного неба.

«Диана».

– Интересное название для ресторана.

– У меня странный зять и сестрица с манией величия.

– Это в честь нее? Очень красиво. Должно быть, мужчина любит свою женщину.

– Не могу сказать точно, мы редко видимся. Помнишь, год назад я хотел тебя с ними познакомить? Они прилетали в Италию, но ты заболела.

– Да, помню.

Моя рука оказалась в его большой и теплой ладони, но было ощущение, что меня начинает колотить от холода. И зачем только надела платье с открытыми плечами? Сжала в другой руке маленькую сумочку с телефоном, в любой момент мог позвонить отец, надо ответить. Но в груди нарастало предчувствие нехорошего.

– И, пожалуйста, не поддавайся на провокации сестрицы и не обращай внимания на ее дурацкие шуточки.

– Она любит пошутить?

– Можно сказать и так.

Широкое крыльцо, много живых цветов. Зайдя в просторный холл, я подумала, что действительно попала на бал. В новом ресторане все было по-царски. Высокие потолки, шикарные хрустальные люстры, бежевые стены, картины, снова живые цветы. Белоснежные скатерти, фарфор с позолотой, начищенные приборы.

Играла живая музыка, как и в тот вечер, семь лет назад. Дамы в вечерних платьях, мужчины в костюмах. А у меня ощущение дежавю. Все это уже было, только в другом месте, я сама была другая.

- Ты трясешься, Регина, точно все хорошо?

Нет, хотелось кричать, что все совсем нехорошо. Но я уже не та восемнадцатилетняя девчонка, что убежала из страны. Напуганная, разбитая, раздавленная нелюбовью мужчины, которому открыла свои чувства.

- Очень красивый ресторан, и не из дешевых точно.

- Да, Матвей сделал все с размахом. А вот и он сам.

Матвей?

Нет, этого не может быть. Это просто совпадение. Мужчин с таким именем сотни.

Сильнее сжала ладонь Сергея, начала смотреть в том же направлении, что и он, во рту сразу пересохло. Мой спутник махнул рукой. Как назло, при входе в зал ресторана народ разошелся в разные стороны, и нам навстречу шел мужчина в темном костюме и белоснежной рубашке без галстука.

Уверенная походка, одна рука в кармане брюк, в другой телефон. Мужчина повернулся в сторону, с кем-то поздоровался, кивнул. Я за несколько метров почувствовала его животную энергетiku и силу.

За семь лет он практически не изменился. Только стал еще шире в плечах, волосы короче и с легкой сединой на висках. Волевой подбородок, щетина, белый шрам на шее и такие же холодные синие глаза.

Привлекательный и недоступный. Еще опасней.

Это был он.

Матвей Жаров.

Моя первая любовь. Моя первая боль. Мой злой рок.

Но это все в прошлом. Теперь он для меня никто.

– Сергей, рад тебя видеть, с возвращением. Как там в Италии? Солнечно и красиво? Знойные итальянки еще не окольцевали тебя?

Мужчины обменялись рукопожатиями, обнялись, похлопав друг друга по спине.

– Где сестрица? Почему ее не видно?

– Не знаю, где-то здесь, ты знаешь, ее невозможно оторвать от внимания людских масс.

– Матвей, позволь представить тебе мою спутницу, надеюсь, в будущем эта невероятная девушка станет моей невестой, а потом и женой. И она все-таки даст сделать себе предложение. Это Регина. Моя любимая Регина.

– Регина?

Уверенно смотрю в синие глаза мужчины, в них непонимание и даже растерянность, а потом моментально вспыхивает огонь гнева. Но Жаров хорошо держит себя в руках, стоит отдать ему должное, всегда справлялся с эмоциями, наверное, не одну фирму разорил за эти годы и не одну девочку соблазнил.

– Регина Левицкая, – не спешу подать руку, как это положено, улыбаюсь, внимательно разглядывая Матвея, прижимаясь к своему спутнику плотнее. – У вас необычное старинное имя, вы знали, что оно означает дарованный богом?

– Да, я знаю его значение.

– Так вы чувствуете?

– Что?

– Связь со Всевышним?

Молчит, лишь желваки играют на скулах. Не нравится, да, когда перед тобой женщина не выпрыгивает из трусов? Ты ведь к этому привык?

Сергей смотрит на нас с легким непониманием, я улыбаюсь уже ему.

- Так мы будем ужинать?

- Да, конечно, Матвей, где наш столик?

- В центре зала, там отец.

- Пойдем?

- Милый, ты иди, а мне надо в дамскую комнату. Я вас найду.

Медленно разворачиваюсь, чувствую обнаженной спиной взгляды двух мужчин, но больше всего прожигает именно Жарова. Подхватив подол длинного платья, стараюсь не шататься, а саму штормит от эмоций, но держу себя в руках.

Он никто для меня.

Прошрое, к которому не возвращаются.

И пусть он горит в аду вместе с этим рестораном, названным в честь жены. Но этот вечер я выдержу. Ведь так приятно видеть непонимание и гнев в его глазах.

Он ведь не знает самого главного и никогда не узнает.

Глава 17

- Лешенька, ну перестань, прекрати же! Господи, что ты делаешь?

Мне показалось, что я ошиблась дверью, услышав громкий женский шепот и обращение к некому Алексею.

Я прошла чуть дальше уборных для гостей ресторана, там было многолюдно. Снова туалет для персонала, как и несколько лет назад, но в нем трахают не меня, в отличие от того раза.

Надо прекращать вспоминать и сопоставлять события, ничего хорошего из этого не выйдет.

- Господи... как же хорошо... да... да, целуй меня... еще.

- Горячая куколка, до чего горячая.

Не стала искать другое помещение, чтобы помыть руки, тихо зашла, но, если не дать о себе знать, получится, что я подслушиваю. Да, ситуация курьезная.

Какой-то девушке сейчас некий Алексей делает очень хорошо. Почему бы за нее не порадоваться чисто из женской солидарности?

Громко хлопнула дверью, стук каблуков по кафелю, парочка в кабинке притихла.

- Ш-ш-ш-ш-ш... Леша, тихо. Слышишь? Кто-то зашел.

- Я совсем оглох и ослеп от твоей красоты, принцесса моя, - громкий мужской шепот.

Включила воду, посмотрела на себя в зеркало, поправляя уложенные на одно плечо волосы. Бросила взгляд в сторону кабинок, лишь заметила что-то красное мелькает сквозь щели, наверное, на девушке именно такого цвета платье.

Это, конечно, не мое дело, но очень любопытно, кто там предается любовным утехам? В голове разыгралась фантазия. Может, это молодой официант уединился со своей подружкой или неверная жена встретилась с любовником и не смогла устоять перед соблазном?

Эти мысли отвлекли от главного – моей неожиданной встречи с Матвеем Жаровым. Без него я чувствую себя более уверенно, просто все это слишком внезапно, и я была не готова к встрече.

Я бы не была к ней готова никогда.

Но всегда знала, что она неизбежна.

Получается, Сергей – родной брат жены Жарова? Он все-таки женился на той яркой Диане, в честь которой назвал ресторан. Что ж красивая пара был, он: наглый и уверенный, она: молодая и дерзкая.

Нужно сильно любить человека, чтобы в честь него называть хоть что-то или кого-то. Наверное, я не так уж сильно его любила.

Парочка за дверью совсем притихла, еще раз посмотрела в ту сторону. Улыбнулась своему отражению, пусть развлекаются, не буду больше мешать.

Все хорошо, Регина, ты со всем справишься. Интересно, а у них есть дети?

При этой мысли непонятная ревность кольнула в сердце. Как представляю, что Матвей держит на руках малыша, улыбается ему, смотрит с любовью и заботой, становится совсем невыносимо.

Закрыла воду, вытерла руки. Быстро вышла в коридор, набрала номер отца.

– Пап?

– Ты уже соскучилась? До того невеселая вечеринка?

– Как у вас дела?

– Все прекрасно. Ты будешь звонить каждые полчаса?

– Нет, не буду, – улыбаюсь, слышу на заднем фоне голос Костика, он о чем-то спорит с бабулей.

- Тогда иди веселись, у нас все прекрасно.

- Хорошо. Но только не давай ему перед сном сладостей.

Отключила телефон, прошла в холл, потом в основной зал ресторана, многие гости уже уселись за свои столы, началась торжественная часть мероприятия. Ведущий расхваливал руководство, персонал и кухню ресторана.

В самом центре зала, за лучшим столиком, сидели трое мужчин. Владелец нового шикарного ресторана Матвей Жаров. Он был чем-то недоволен, плотно сжимал губы и смотрел в одну точку. Сергей беседовал со взрослым седым мужчиной, но, как только я подошла, все обратили свое внимание на меня.

Стало неловко.

- Отец, позволь представить тебе мою девушку Регину.

Сергей поднялся, поцеловал мне руку, я вполне дружелюбно улыбнулась пожилому мужчине, но, когда поймала его цепкий и тяжелый взгляд, захотелось сделать шаг назад.

- Так вот то итальянское сокровище, которое ты прячешь от нас уже три года. Мы-то с Матвеем думали, что это будет знойная итальянка с пышной грудью, большим ртом, громкая и веселая.

- Извините, что не оправдала ваших надежд, - перебила мужчину и сама пожалела об этом. Видимо, он не приветствует такого.

- Да уж, мы думали одно, а у тебя оказалась фарфоровая рыжая куколка.

- И кстати, это мой натуральный цвет волос.

- Отец, прекрати свои пошлые шуточки. Регина, это Савелий Макарович Демидов, мой отец.

- Регина Левицкая, - не сказала, что мне приятно, потому что мне было совсем неприятно.

Сергей подвинул стул, сам сел рядом, я старалась не смотреть на Матвея, но открытые плечи под его взглядом обжигало огнем.

Да что же это такое? Слишком долго я пыталась забыть его, думала, что получилось. Уговаривала себя, что не любовь это была вовсе. Влюбленность, буйство гормонов, реакция молодого тела на животную энергетику взрослого и опытного мужчины.

– У вас очень красивое имя, и сами вы очень красивая девушка. Сколько вам лет? Двадцать? Сергей, тебе не кажется, что этот цветок слишком свеж и юн для такого старика, как ты?

Савелий Макарович, обращаясь к сыну, смотрит на меня вполне дружелюбно, но карие глаза под тяжелыми веками сканируют насквозь, кажется, раздевая и ощупывая одновременно.

– Мне скоро будет двадцать шесть.

– Даже так? Прекрасный возраст. Не верится, что когда-то и мне было столько же. Я был молод и полон сил.

Вокруг суетились официанты в черных фартуках и бабочках на белоснежных рубашках. Перед нами поставили первое блюдо, Сергей налил белого вина, он знал мои вкусы, за соседним столиком звенел хрусталь, ведущий шутил. А по моей спине разливалась боль от напряжения.

– Так я могу предположить, что скоро быть свадьбе?

Мужчина сделал глоток виски, посмотрел поверх бокала на Сергея и меня. Демидова-старшего можно было назвать симпатичным стариком, если бы не тяжелый взгляд, грубые черты лица, нависшие веки и надменный вид.

Он чувствовал и показывал всем, что именно он хозяин мира. Хорошо, что Сергей совсем непохож на него. Полная противоположность, только цвет глаз, вот что было у них общее.

Высокий, подтянутый, темно-русые волосы, легкая, такая модная сейчас небритость, открытая улыбка. Именно ей он и растопил мое сердце три года назад.

– Регина не дает мне сделать ей предложение, словно чувствует это и находит тысячи причин, чтоб я этого не делал. Но, может быть, на родине ее сердце дрогнет.

Сергей берет мою руку, нежно целует пальцы, глядя прямо в глаза.

Странный хруст, отборный мат. Мы смотрим в сторону Матвея, потом на его ладонь, в ней острые осколки стекла, кровь капает на белую скатерть, а я не могу отвести от нее глаз. Вот он салфеткой перематывает раны, зажимая ладонь в кулак.

– Черт.

А я сжимаю свою, потому что чувствую его боль. Так бывает, когда дома Костик ранится или падает с велосипеда.

Смотрю на Жарова, как его губы кривятся от боли, но отгоняет официанта, который хочет заменить скатерть как назойливую муху. Сергей спрашивает, все ли хорошо у него, Савелий Макарович молчит, лишь пьет виски.

– А где твоя жена, Матвей? В честь нее назван ресторан, а принцессы нет на балу.

– А вот и я! И не думайте, что ваша принцесса сбежит с бала. Серёженька, привет, братец.

Девушка виснет на шее вставшего Сергея, я не могу видеть ее лица, но снова отчего-то вернулись тот страх и тот комплекс неполноценности, которые я испытала, когда увидела ее впервые у офиса отца.

– Ты стал еще выше.

– Тебе кажется.

– Папуля, – девушка обошла меня сзади, теперь обняла отца, поцеловав того в щеку. Мужчина похлопал ее по руке, посмотрев с нежностью и теплом.

– Матвей, любимый. Ты потерял меня? Извини, Иришка совсем заболтала.

Но Жаров был безэмоционален, лишь сжимал кулаки и смотрел с явным недовольством. Девушка потянулась, чтобы поцеловать его, Матвей позволил это сделать.

Я узнала ее голос.

И цвет платья.

Но я ведь могу ошибаться?

Или нет?

Глава 18

– А кто тут у нас? Твоя очередная подружка, да, братец?

Диана посмотрела на меня своими большими карими глазами, я думала, что растеряюсь перед ней, но этого не случилось. Раньше она казалась мне такой недосягаемой, а теперь это далеко не так.

Она хотела задеть, я поняла это, но лишь улыбнулась ей в лицо.

– Дина, прекрати, Регина не очередная, а моя единственная девушка.

– А как же эта, как ее? Совсем забыла, – Диана приложила ладонь ко лбу, делая вид, что вспоминает. – Сабина или Сабрина?

– Симона, ее звали Симона, и это было пять лет назад, у тебя не получится вывести меня из себя.

– Дело в том, что мой брат постоянно мотается по миру и привозит из каждой страны по девушке. Все никак не может успокоиться, а самому уже скоро сорок лет.

Сергей спокоен, а я все больше вглядывалась в жену Жарова. От той Дианы, что я встретила семь лет назад, мало что осталось. Безусловно, передо мной яркая молодая женщина, но отчаянно пытающаяся сохранить былую молодость.

Ей в нашу встречу было наверно двадцать пять, как сейчас мне, значит на данный момент тридцать два. Хороший возраст, у меня есть модели гораздо старше, но выглядят они лучше.

У Дианы такие же пепельно-жемчужные волосы, как и раньше, стильная стрижка до плеч. Длинные ресницы, чересчур пухлые губы, слабая мимика от чрезмерного увлечения ботоксом.

Нет, я ничего не имею против уколов, может быть, когда-то и я воспользуюсь ими. Но, когда ты постоянно крутишься в индустрии моды и красоты, часами пропадая в студии, снимая моделей для журналов или рекламы, это замечаешь сразу.

Диана также разглядывала меня, взяв бокал с налитым шампанским. Тонкие пальцы с ярким красным маникюром. Такого же цвета облегающее вечернее платье с глубоким декольте и пышными рукавами-фонариками, очень модное в этом сезоне.

На безымянном пальце два кольца, обручальное и помолвочное с огромным чистым бриллиантом не меньше четырех карат. В этом меня научила разбираться мама, все время указывая, у кого из ее знакомых какой камень и его размер. Сразу видно, как мужу дорога жена и насколько он ее любит, это тоже слова мамы.

– Сергей, а твоя подружка точно совершеннолетняя?

– Я подумал об этом же, но оказалось, что Регине двадцать пять, – Савелий Макарович поддержал дочь.

– И где ты нашел свое новое сокровище? На Северном полюсе?

Было не совсем приятно слушать в свой адрес такое, но конфликтовать не хотелось. Скорей бы этот вечер уже закончился, но он, увы, только начался.

– Дина, не говори ерунды, при чем тут Северный полюс? Регина живет в Италии, она очень востребованный фотограф, работает на дома мод по всей Европе и популярные глянцевого издания.

– Просто она такая бледная, странно, в Италии так мало солнца? А правда, что у вас там все через постель? Известной моделью не станешь, пока не переспешь со всеми.

– Шлюх хватает везде, – больше мне ей ответить было нечего.

Девушка вскинула брови, посмотрела удивленно, но потом лишь пожала плечами, отпила шампанского и развернулась к своему мужу.

Все время я не смотрела на Матвея, мне было неприятно это делать. Если мужчине хоть как-то дорога женщина, он заступится за нее. Я не была дорога, и это было предельно ясно.

Но, боже, о чем я? Жаров и честь – это несовместимые понятия.

Да и кто такая я для него? Девчонка из прошлого с разбитыми коленями, в майке и шортах, на велосипеде, с полным рюкзаком яблок, и часть из них рассыпана по асфальту. Ненавижу яблоки.

Которая сама же себя и предложила, а он взял.

А почему было не взять?

– Матвей, ты чем-то недоволен?

– Где ты была?

– Я же сказала, Иришку встретила, заболтались, она, кстати, вернулась из Доминиканы. А что у тебя с рукой?

– Я тебе говорил быть рядом и никуда не уходить. Где тебя постоянно носит?

– Милый, какая муха тебя укусила? Я рядом, вот прямо сейчас твоя принцесса рядом.

Девушка скользит острыми ноготками по локтю Матвея, спускается ими вниз, проводит по руке, а я обвожу взглядом зал в поисках дам в красном платье. Заняты все столики, развлекательная программа в самом разгаре. Нам уже принесли второе блюдо, Сергей беседует с отцом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/dashkova_ol-ga/cena-tvoey-lyubvi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)